

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *THE NEW YORK TIMES*

WORLD OF WARCRAFT

РАСКОЛ

ПРЕЛЮДИЯ КАТАКЛИЗМА

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З А Р Д

КРИСТИ ГОЛДЕН

Кристи Голден
World of Warcraft: Раскол.
Прелюдия Катаклизма
Серия «World of Warcraft»
Серия «Легенды Blizzard»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63069322

Кристи Голден. World of Warcraft: Раскол. Прелюдия Катаклизма: АСТ;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121398-5

Аннотация

Тралл, мудрый шаман и вождь Орды, всерьез обеспокоен: элементали, могущественные духи стихий, больше не прислушиваются к зову шаманов. Связи между ними истончаются и рвутся, словно что-то сильно встревожило сам Азерот. Пока Тралл пытается разобраться в происходящем, его народ с неуверенностью смотрит в будущее – запасы Орды истощаются, а отношения с живущими по соседству ночными эльфами становятся все враждебнее.

Одновременно с этим король Штормграда Вариан Ринн склоняется к тому, чтобы ответить на растущее напряжение между Альянсом и Ордой военными действиями. Такой жесткий

подход грозит оттолкнуть от короля даже самых близких людей, включая его сына, Андуина. Раздираемый противоречиями, юный принц пытается найти свой собственный путь, но из-за этого рискует оказаться втянутым в водоворот политических событий, которые подталкивают мир к краю пропасти.

Будущее великих рас Азерота окутано туманом неопределенности. А ведь непредсказуемое поведение духов стихий, пугающее само по себе, может оказаться лишь первым зловещим знамением грядущего Катаклизма...

Содержание

Пролог	10
Часть I	17
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Кристи Голден

World of Warcraft: Раскол.

Прелюдия Катаклизма

Christie Golden

WORLD OF WARCRAFT: THE SHATTERING:
PRELUDE TO CATAclySM

Печатается с разрешения компании Blizzard
Entertainment, Inc.

Иллюстрация на переплете *Алана Дингмана*

© 2020 by Blizzard Entertainment, Inc. Все права защищены.

The Shattering: Prelude to Cataclysm, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах соответствующих владельцев.

* * *

Blizzard Entertainment представляет серию «Легенды Blizzard». После 25-летней истории выпуска таких выдающихся компьютерных игр, как World of Warcraft, Starcraft и Diablo, Blizzard Entertainment повторно публикует свои за-

служившие множеством наград книги в формате коллекционных изданий. Серия состоит из бестселлеров по версии New York Times: романов, которые привлекут внимание всех поклонников фантастики независимо от того, являются ли они геймерами или нет. Ну а новые и старые фанаты Blizzard найдут в ней классические сюжеты и истории своих любимых персонажей.

* * *

MAINSTREAM

представляет

книги по игровой вселенной **WORLD OF WARCRAFT:**

Оригинальные романы

Кристи Голден. «Военные преступления»

Уильям Кинг. «Иллидан»

Кристи Голден. «Перед бурей»

Официальные новеллизации:

Кристи Голден. «Варкрафт»

Кристи Голден. «Варкрафт: Дуротан»

Серия «Легенды Blizzard»:

Ричард А. Кнаак. «Трилогия Войны Древних. Книга первая. Источник Вечности»

Ричард А. Кнаак. «Трилогия Войны Древних. Книга вторая. Душа Демона»

Кристи Голден. «Рождение Орды»

Джефф Грабб. «Последний Страж»

Кристи Голден. «Повелитель кланов»

Кристи Голден. «Артас. Восхождение Короля-лича»

Ричард А. Кнаак. «Ярость Бури»

Кристи Голден. «Раскол. Прелюдия Катаклизма»

Ричард А. Кнаак. «Волчье сердце»

Кристи Голден. «Джайна Праудмур. Приливы войны»

Графические романы:

Крис Метцен, Пол Корнелл. «Варкрафт: Узы братства»

Людс Луллаби, Уолтер Симонсон. «World of Warcraft.

Книга 1»

Людс Луллаби, Уолтер Симонсон. «World of Warcraft.

Книга 2»

Людс Луллаби, Уолтер Симонсон. «World of Warcraft.

Книга 3»

Манга:

Ричард А. Кнаак, Дэн Дэсолли и др. «Легенды. Том 1»

Ричард А. Кнаак, Дэн Дэсолли и др. «Легенды. Том 2»

Ричард А. Кнаак, Дэн Дэсолли и др. «Легенды. Том 3»

Ричард А. Кнаак, Дэн Дэсолли и др. «Легенды. Том 4»

Ричард А. Кнаак, Кристи Голден и др. «Легенды. Том 5»

* * *

Эта книга посвящается всем моим замечательным и преданным читателям.

Именно вы сделали книгу «Артас. Восхождение Короля-лича» первым (как для Blizzard, так и для меня) бестселлером по версии New York Times. И именно вы даёте мне возможность трудиться над тем, что мне так нравится. Я буду и дальше изо всех своих сил стремиться писать для вас самые лучшие произведения.

НАГРАНД

Пролог

Шум дождя, барабанившего по плотно уложенным шкурам, накрывавшим маленькую хижину, напоминал звуки барабана, на котором отстукивают скорый ритм ловкие руки. Сама хижина была крепкой, как и все ороczy постройки, и вода не проникала внутрь. Но ничто не могло спасти от холода и влажности. Если бы погода переменилась, то дождь превратился бы в снег. Но, как бы там ни было, ледяная сырость пробирала Дрек'Тара до мозга его старых костей и не давала расслабиться, даже когда он засыпал.

Но в тот раз старый шаман ворочался и метался во сне вовсе не из-за холода.

Из-за сновидений.

Пророческие сны и видения всегда являлись Дрек'Тару.

Таков был его дар – он видел духовным зрением, поскольку оказался лишен физического. Но с самого начала Войны против Кошмара у этого дара появилась обратная сторона. В то страшное время его видения стали гораздо хуже. Тогда во сне он перестал отдыхать и восстанавливать силы, и к нему начали являться кошмары. Они состарили его, превратили из пожилого, но сильного орка в дряхлого и порой ворчливого старикана. Дрек’Тар надеялся, что с поражением Кошмара его сны снова станут прежними. Но несмотря на то что они перестали быть такими яркими, как прежде, его видения все равно оставались очень, очень мрачными.

В своих снах Дрек’Тар мог видеть. И в этих снах он мечтал о слепоте. В одиночестве он стоял на горе. Солнце казалось ему ближе, чем обычно. Уродливое, красное, распухшее, оно придавало кровавый блеск океану, омывавшему подножие горы. Орк что-то слышал – далекий, глубокий, раздражающий рокот, от которого у него по телу шли мурашки. Дрек’Тар никогда раньше не встречал этот звук, но благодаря своей связи со стихиями он понимал, что это знак чего-то ужасно, ужасно неправильного.

Через несколько минут воды начали пениться, вздымаясь у подножия горы. Волны стали выше, беспокойнее, словно нечто темное и жуткое ворочалось под поверхностью океана. Дрек’Тар понимал, что даже на горе небезопасно, что угроза уже нависла над всем. Он чувствовал, как твердый камень содрогается под его босыми стопами. Пальцы орка крепко,

до боли вцепились в посох, словно эта скрюченная палка могла остаться прочной и непоколебимой, несмотря на бурлящий океан и разрушающуюся скалу.

И затем, безо всякого предупреждения, что-то произошло.

Земля под Дрек'Таром разошлась зигзагообразной трещиной. Взревев, орк не то отпрыгнул, не то упал в сторону, не давая зияющей, похожей на рот бездне поглотить себя. Он выронил свой посох, и тот рухнул в расширяющуюся пасть провала. Ветер усилился. Дрек'Тар вцепился в выпирающий обломок камня и, сотрясаясь, как и окружающая его земля, уставился своими давно не видевшими белого света глазами на кроваво-красный океан, кипящий внизу.

Громадные волны разбивались об отвесные стены горного утеса, и Дрек'Тар чувствовал взлетавшие невероятно высоко пузырящиеся брызги. Вокруг него раздавались крики напуганных, измученных стихий, молящих о помощи. Рокот усилился, и перед испуганным взором орка громадная глыба раздвинула воды красного океана. Она поднималась все выше и выше, без конца, пока сама не стала горой, континентом. Наконец, земля, где стоял Дрек'Тар, раскололась вновь, и он рухнул в пролом, крича, хватаясь за воздух, падая в огонь...

Дрек'Тар вскочил со шкур, на которых спал. Его тело содрогалось, и, несмотря на холод, со старого шамана градом катился пот. Руками орк хватался за воздух, а его вновь

ослепшие глаза были широко раскрыты и смотрели во тьму.

– Земля заплачет, и мир расколется! – закричал Дрек’Тар. Размахивая руками, он почувствовал, как что-то крепкое коснулось их, обхватило, успокоило движения. Дрек’Тар на ощупь понял, кто это. Перед ним стоял Палкар – орк, ухаживавший за ним уже несколько лет.

– Успокойся, Великий Отец Дрек’Тар, это всего лишь сон, – пожурил его молодой орк.

Но Дрек’Тар не мог позволить проигнорировать ни себя, ни свое видение. Еще недавно он сражался в Альтеракской долине, пока его не сочли слишком старым и слабым для такой службы. Раз старый орк больше не мог воевать, он мог служить своими шаманскими умениями. И своими видениями.

– Палкар, я должен поговорить с Траллом, – потребовал он. – И со Служителями Земли. Может быть, они видели то же, что и я... А если не видели, то я должен им рассказать! Должен, Палкар!

Дрек’Тар попытался встать. Его ноги подкосились. В бессильной ярости он начал колотить по своему предательски стареющему телу.

– Что тебе нужно, так это сон, Великий Отец.

Дрек’Тар был слаб, и как бы он ни боролся, старик не мог сопротивляться крепким рукам Палкара, укладывавшим его обратно на шкуры.

– Тралл... Он должен знать, – пробормотал Дрек’Тар, без-

успешно отпихивая руки помощника.

– Если ты считаешь, что так нужно, то мы завтра же пойдем и расскажем ему. Но сейчас... отдыхай.

Видение оставило Дрек'Тара без сил и к тому же своими старыми костями он вновь почувствовал холод. Шаман кивнул и позволил Палкару приготовить ему горячий травяной напиток, благодаря которому старик должен был безмятежно уснуть.

«Палкар хорошо обо мне заботится, – подумал он, когда его мысли вновь начали сонно путаться. – Раз он считает, что можно отложить до завтра, значит, так оно и есть».

Допив свой напиток, Дрек'Тар снова лег. Прежде чем провалиться обратно в сон, он рассеянно подумал: «А что же я собирался отложить на завтра?»

Палкар откинулся назад и вздохнул. Было время, когда разум Дрек'Тара был острее кинжала, даже несмотря на то что под тяжестью лет его тело все больше слабело. Было время, когда Палкар, узнав о видении Великого Отца, незамедлительно послал бы гонца к Траллу.

Но то время прошло.

За последний год острый ум, столь много знавший, обладавший почти непостижимой мудростью, начал угасать. Память Дрек'Тара, некогда точнее любого письменного источника, теперь стала уже не та. В его воспоминаниях появились провалы. Палкар никак не мог отделаться от мысли, что, воз-

можно, из-за Войны против Кошмара и неизбежных последствий старения так называемые «видения» Дрек'Тара выродились в обыкновенные кошмары.

Палкар встал и вернулся к собственному спальному месту. Там он с болью вспомнил, как два месяца назад Дрек'Тар настоял на том, чтобы гонцы отправились в Ясеновый лес. Якобы банда орков готовилась устроить резню на мирном собрании друидов – тауренов и калдорай. Гонцы отправились в путь, все были предупреждены – и ничего не произошло. Они послушали старого орка и добились лишь того, что ночные эльфы стали относиться к ним с еще большим подозрением. В радиусе нескольких километров от того места не нашли ни одного орка. И все же Дрек'Тар настаивал, что угроза реальна.

Случались и другие видения, пусть и не столь масштабные, но такие же вообразаемые. И теперь вот это. Несомненно, будь угроза реальной, кто-нибудь помимо Дрек'Тара знал бы о ней. Палкар сам был опытным шаманом, и он не испытывал ничего похожего на подобные предчувствия.

Однако он собирался сдержать свое слово. Если Дрек'Тар желал видеть Тралла – орка, который некогда был его учеником, а теперь стал вождем той Орды, которую Дрек'Тар сам помогал создавать, – то утром Палкар подготовит своего учителя к путешествию. Либо он пошлет гонца, чтобы Тралл сам пришел к Дрек'Тару. Путь будет долгим и нелегким – Тралл находился в Оргриммаре, на континенте, да-

леком от Альтерака, где обосновался Дрек'Тар. Но Палкар подозревал, что ничего подобного все равно не произойдет. Завтрашним утром Дрек'Тар, скорее всего, уже не вспомнит ни про свое видение, ни тем более про его содержание.

Теперь обычно так и происходило. И Палкара это совершенно не радовало. Слабоумие Дрек'Тара причиняло Палкару лишь боль, и молодому орку нестерпимо хотелось, чтобы мир был устроен иначе. Тот самый мир, который, как думал Дрек'Тар, вот-вот разрушится. Старик не знал, что для тех, кто его любит, мир уже рушился.

Палкар понимал, что бессмысленно горевать о прошлом, о том, кем некогда был Дрек'Тар. Воистину, он прожил дольше многих и, без сомнения, совершил много славных дел. Орки встречали превратности судьбы лицом к лицу, и они знали, что всему свое время: время гореть и сражаться, и время принимать действительность такой, какая она есть. С раннего детства Палкар заботился о Дрек'Таре и поклялся до последнего вздоха старого орка оставаться рядом, как бы ему ни было больно наблюдать за медленным угасанием своего учителя.

Палкар наклонился, потушил свечу, зажав фитиль между большим и указательным пальцами, и поплотнее укутал свое громадное тело мехами. Снаружи дождь продолжал барабанить свой ритм по плотно уложенным шкурам.

Часть I

Земля заплачет...

Глава первая

– Земля! – закричал впередсмотрящий. Худощавый эльф крови расположился на жердочке в «вороньем гнезде». Кэрн подумал, что тот выбрал себе настолько небезопасное место, что даже настоящая ворона дважды подумала бы, прежде чем туда садиться. Молодой эльф свободно прыгнул на снасти, руками и босыми ногами цепляясь за веревки. По-види-

мому, он исполнял такие трюки с легкостью и проворством белки. Пожилой таурен, наблюдавший за этим с палубы, покачал головой. Не скрывая своего облегчения, он радовался тому, что первая часть их путешествия в Нордскол завершилась. Кэрн Кровавое Копыто – вождь тауренов, гордый отец и воин – терпеть не мог корабли.

Он, как и его народ, принадлежал к существам, любившим стоять на старой доброй надежной земле. Конечно, у них были лодки, но только маленькие, которые никогда не уходили далеко от берега. Почему-то даже дирижабли, хотя эти летательные аппараты и были изобретены гоблинами, казались более надежной опорой его копытам, чем палуба морского судна. Возможно, все дело было в качке и в том, что море в любую секунду могло обратиться против них. Или же виной тому была нескончаемая затянувшаяся скука, присущая длительным путешествиям. Как, например, то, которое они только что совершили: от Кабестана до Борейской тундры. Как бы то ни было, теперь, когда до пункта назначения оставалось рукой подать, настроение пожилого быка улучшилось.

Он, как полагалось по статусу, путешествовал на флагманском корабле Орды – «Скелете Маннорота». Рядом с этим гордым судном шли другие. Их трюмы были почти пусты, если не считать нескольких бочонков с пресной водой, парочки бочек с гордокским пойлом для поднятия морали и непортящейся провизии.

Кэрн радовался предстоящему простою на суше. Примерно сутки на корабли будут грузить больше не нужные на Нордсколе припасы и последних воинов Орды, без сомнения, с нетерпением ждущих возвращения домой.

Старые глаза вождя пока не видели землю из-за густого тумана, но он доверял острому зрению молодого син'дорайского акробата-впередсмотрящего. Таурен подошел к борту и опустил на него руки, всматриваясь в туман. Корабль приближался к берегу.

Кэрн знал, что на юго-востоке, на одном из множества разбросанных по этой территории островков, Альянс решил воздвигнуть Крепость Отваги, которая служила хорошим ориентиром для путешественников. Крепость Песни Войны – цель их поездки – была выгодно расположена, и с нее неплохо просматривались прилегающие территории, что для Орды являлось куда более важным моментом, чем обзор глубоководных гаваней или легкодоступных участков. По крайней мере, когда-то являлось.

Кэрн медленно выдохнул через ноздри, пока судно медленно и осторожно двигалось вперед. Сквозь необычно плотный туман он начал различать очертания других кораблей. Например, остов судна, чей капитан, очевидно, был не так мудр, как командовавшая «Скелетом Маннорота» троллиха. Возможно, на тот корабль напали, либо он сел на мель, либо и то и другое. Место высадки Гарроша, или Лагерь Гарроша (так нескромно теперь называлось это место), и этот

остов – вот и все, что осталось от корабля опрометчивого молодого орка. Судно разобрали почти до шпангоутов, а некогда яркие багровые паруса с черным символом Орды выцвели и порвались. Видала лучшие времена и одинокая сторожевая башня, показавшаяся из тумана. Кэрн едва мог различить массивный силуэт того, что когда-то, без сомнения, было Домом Вождей.

Гаррош, сын знаменитого героя орков Грома Адского Крика, одним из первых ответил на призыв и прибыл на Нордскол. Из-за этого Кэрн восхищался молодым орком, но то, что он видел и слышал о его поведении, одновременно воодушевляло и беспокоило таурена. Кэрн был не настолько стар, чтобы забыть некогда бушевавший в его венах огонь молодости. Он вырастил сына – Бейна. Он видел, как молодой таурен проходил через то же, с чем когда-то сталкивался его отец. Кэрн хорошо понимал, что по большей части поведение Гарроша вызвано самым обыкновенным и быстро проходящим мальчишеским позерством. Впрочем, Кэрну приходилось признать, что энтузиазм и боевой пыл Гарроша были заразительны. Посреди почти проигранной войны Гаррош смог воспламенить сердца и мечты членов Орды и пробудить в них чувство национальной гордости, которая распространилась как лесной пожар.

Гаррош был сыном своего отца и унаследовал от него как хорошее, так и дурное. Грому Адскому Крику никогда не хватало терпения, чтобы принять решение, продиктованное

мудростью. Он всегда сперва действовал – жестоко и стремительно. Пронзительный, пугающий вопль, давший имя всему роду Грома, стал его боевым кличем. Именно Гром первым испил крови демона Маннорота. Крови, которая наложила проклятие на него и на всех орков, ее испробовавших. Но, в конце концов, Гром отомстил своим врагам. И хотя он первым испил крови, а потому и первым пал жертвой демонического безумия и ярости, именно он положил конец и тому и другому. Гром сразил Маннорота, и после этого поступка к оркам начали возвращаться величие их сердец, воли и духа.

Когда-то Гаррош стыдился своего отца, считая, что, испив крови демона, тот проявил слабость и предал свой народ. Тралл образумил молодого орка, и тогда Гаррош Адский Крик принял свое наследие.

«Принял с энтузиазмом. Возможно, даже слишком большим», – подумал Кэрн. Впрочем, среди воинов энтузиазм Гарроша приносил скорее положительные плоды. Кэрну оставалось лишь гадать, не приуменьшил ли вождь сотворенное Громом зло, когда рассказывал о воистину славных делах своего друга?

Тралл – вождь Орды, мудрый и храбрый лидер – и юный импульсивный Гаррош не единожды уже сталкивались лбами по различным поводам. Перед тем, как произошла катастрофа у Врат Гнева, Гаррош даже вызвал Тралла на поединок на арене Оргриммара. А совсем недавно он позволил себе поддаться гневным насмешкам Вариана Ринна и напал на

короля Штормграда, сойдясь с ним в жестокой схватке в самом сердце Даларана.

И все же Кэрн не мог не признать успеха и популярности Гарроша, как и радостного энтузиазма и страсти, которыми Орда отвечала ему. Конечно, какие бы там слухи ни ходили, Гаррош отнюдь не в одиночку отбил нападение Плетти, сразил Короля-лича и сделал Нордскол безопасным для детей Орды. Но нельзя было отрицать, что именно он возглавлял самые успешные набеги. Молодой орк вернул Орде чувство невероятной гордости и желание вернуться в бой. И каждый раз ему удавалось превратить то, что казалось настоящим безумием, во вдохновляющую на успех операцию.

Кэрн был слишком умен, чтобы считать это совпадением или случайностью. Гаррош отличался храбростью, граничащей с дерзостью. Но сама по себе дерзость не приносила таких результатов, каких добился сын Грома. Именно такой воин, как Гаррош, был нужен Орде в ее, возможно, самый темный час, в час слабости. И в этом Кэрн не мог не отдать молодому орку должное.

– Все, дальше мы не пойдем, – сообщила Кэрну капитан Тула, отдавая приказ спустить шлюпки на воду. – Крепость Песни Войны недалеко. Прямо на восток, да вверх на холмы.

Тула прекрасно знала, о чем говорила, поскольку за последние несколько сезонов совершила бесчисленное множество рейсов между Нордсколом и Кабестаном. Именно из-за ее опыта Тралл попросил, чтобы она стала капитаном «Ске-

лета Маннорота».

Кэрн кивнул.

– Откройте один из бочонков гордоковского пива. Ваша команда хорошо поработала и заслужила награду за свои старания, – медленно произнес он своим глубоким голосом. – Но оставьте немного для бравых воинов, которым после столь долгого времени предстоит путь домой.

Лицо Тулы просияло.

– Да, верховный вождь, – кивнула она. – Спасибо. Мы только один бочоночек откупорим, честное слово.

Кэрн положил руку ей на плечо и одобрительно кивнул, а затем, испытывая сильное беспокойство, переместил свою могучую тушу в крошечную, тесную лодочку, которая должна была отвезти его к берегу. Холодный, надоедливый туман лип к ним, как паутина. Несколько мгновений спустя таурен с большим удовольствием ступил в ледяные воды, омывавшие берег Лагеря Гарроша, и помог вытащить лодку на сушу.

Туман все еще висел в воздухе, но чем дальше Кэрн с делегацией отходили от берега, тем сильнее он редел. Они устало тащились мимо разломанных, брошенных осадных орудий, раскиданного оружия и брони, мимо развалин давно покинутой фермы со скелетами свиней, чьи кости побелели от солнца. Они продолжили двигаться по небольшому уклону вверх. Тундровую почву покрывали какие-то красные растения, упрямо продолжавшие расти здесь, несмотря на суровые условия. Кэрн уважал такое упорство.

Крепость Песни Войны, теперь ясно различимая, гордо возвышалась впереди. Похоже, что ее расположили посреди каменоломни, и углубления создавали дополнительный барьер для защиты. Нерубы – древняя раса паукообразных существ, чьи представители были воскрешены магией некромантов, – несколько раз нападали на крепость, но больше не предпринимали таких попыток. Некогда крепкая липкая паутина была разрублена или истончилась в легкие нитеобразные обрывки, безобидно развевавшиеся на ветру. Как и Плети, им тоже пришлось отступить перед упорным натиском Орды.

Впереди Кэрн увидел смазанное движение – разведчик заметил штандарт Орды во главе делегации Кэрна и рванул прочь. Кровавое Копыто и его спутники продолжили двигаться вдоль края каменоломни, пока не нашли путь, ведущий вниз. Вход не поражал воображение, но он был добротно сделан, и Кэрн вскоре оказался там, где раньше находилась кузница.

Однако теперь по желобам не текли желтые реки расплавленного металла, а по наковальням не стучали молоты. Обоняние таурена, ставшее к старости более острым, чем зрение, уловило едва различимый застарелый запах волков. Зверей здесь не было уже давно – их отправили домой еще раньше, чем хозяев. Лежавшее оружие и снаряжение, похоже, долгое время пылилось без дела. Позже, когда Кэрн сможет внятно оценить, что здесь происходит, несколько кодо – отличные

тягловые животные, приплывшие вместе с ним, – помогут перетащить груз на корабли.

Кэрн почувствовал пронизывавший это место холод. Если бы кузни продолжали функционировать, они вырабатывали бы достаточно тепла, чтобы нагреть громадное пространство пещеры. Но поскольку они простаивали, холод Нордскола проникал везде. Кэрн, даже будучи бывалым воином, оказался поражен масштабами этого места. Оно было точно больше крепости Громмаш; наверное, даже больше некоторых городов Орды. Оно было огромным, открытым и пустым. Цокот их копыт эхом отражался от стен, когда делегация Кэрна приближалась к центру первого уровня.

Два орка, поглощенные беседой, повернулись к ним. Таурен знал их обоих и уважительно им кивнул. Старшего, с зеленой кожей, звали Варок Саурфанг. Он был младшим братом славного героя Броксигара и отцом покойного, горячо оплакиваемого Драноша Саурфанга. Многие потеряли что-то в этой войне, а Варок – больше, чем кто-либо другой.

Его сын пал вместе с тысячами других у Врат Гнева в Ангратаре. В тот темный день Орда и Альянс бок о бок сражались против лучших войск Короля-лича, вынудив даже самого монстра вступить в бой. Юный Саурфанг пал, а его душу поглотила Ледяная Скорбь. Несколько секунд спустя один из Отрекшихся, известный как Гнилесс, обрушил на сражавшихся чуму, которая должна была уничтожить как живых, так и мертвых.

Судьба приготовила роду Саурфанга еще большие мучения. Король-лич оживил труп молодого воина и обратил его против всех, кого тот любил при жизни. Удар, полный скорее милосердия, чем боевой ярости, прекратил его противоестественное существование. Только когда пал Король-лич, верховный воевода Варок Саурфанг наконец смог вернуть тело своего мальчика домой – на этот раз лишь его труп, и ничего более. Седой и сильный, Саурфанг представлял собой все лучшие, по мнению Кэрна, черты орков. Он был мудр и благороден, с крепкой рукой воина и холодным разумом стратега. Кэрн не видел Саурфанга с тех пор, как его сын пал у Врат Гнева, и таурен молча отметил, как сильно сдал орк из-за своего глубокого горя. Кэрн не знал, доведись ему столкнуться с подобным надругательством над тем, что было так дорого тауренам – над их детьми, – смог ли бы он перенести эту двойную потерю хотя бы вполовину так стойко, как Саурфанг.

– Верховный воевода, – пророкотал Кэрн, кланяясь. – Я сам отец, и я скорблю о том, что тебе довелось перенести. Но знай – твой сын погиб как герой, и своей работой здесь ты чтишь его память. Все остальное развеют ветра.

Саурфанг хмыкнул в ответ.

– Рад видеть тебя, верховный вождь Кэрн Кровавое Копыто. И... я знаю, твои слова правдивы, но не постыжусь сказать: я рад, что этот поход наконец закончился. Мы слишком многое потеряли.

Стоявший рядом с Саурфангом орк помоложе скривился, словно слова верховного воеводы были ему неприятны. Он явно сдерживался, чтобы ничего не сказать. Его кожа была не зеленой, как у большинства знакомых Кэрну орков, а насыщенного землянисто-коричневого цвета. Это выдавало в нем маг'хара из Запределья. Лысый, если не считать длинного хвостика коричневых волос, это был, разумеется, Гаррош Адский Крик. Несомненно, он считал признание радости от завершения битвы сродни бесчестию. Вождь тауренов знал, что годы научат орка простой истине: хорошо сражаться за правое дело и побеждать, но и мир также хорош. Однако сейчас, даже после длительной, тяжелой войны, Гаррош, очевидно, не пресытился битвой. Это беспокоило Кэрна.

– Гаррош, – обратился к нему Кэрн. – Слава о твоих деяниях разошлась по всем уголкам Азерота. Уверен, ты также гордишься своими достижениями здесь, как и Саурфанг – своими.

Комплимент был искренним, и Гаррош слегка расслабился.

– Сколько твоих войск вернутся с нами? – продолжил Кэрн.

– Почти все, – ответил орк. – Я оставлю с Саурфангом минимальный гарнизон и несколько отрядов на аванпостах. Не думаю, что даже они ему пригодятся. Как и планировалось, наступление армии Песни Войны сокрушило Плеть и выбило дух из остальных врагов. Думаю, мой старый совет-

ник будет сидеть и смотреть, как паучки плетут свои сети, да наслаждаться миром, которого он так желает.

Кого-то другого эти слова могли задеть. Кэрн гневно вскинул голову, обиженный за Саурфанга. После всего, что перенес старый орк, слова Гарроша звучали особенно жестоко. Однако Саурфанг, очевидно, привыкший к грубостям Гарроша, только хмыкнул:

– Мы оба выполнили свой долг. Мы служим Орде. И если мне суждено служить, наблюдая за маленькими паучками, а не сражаясь с большими, то я доволен.

– А я служу Орде тем, что занимаюсь возвращением ее победоносных воинов домой, – кивнул Кэрн. – Гаррош, кто из твоих солдат будет командовать выводом войск?

– Я сам, – ответил Гаррош, удивив Кэрна. – В конце концов, у всех нас есть плечи, чтобы нести поклажу.

Некогда униженный, стыдящийся своего наследия Гаррош теперь казался старому таурену молодым нахалом, чье эго войдет не во всякую дверь. Однако орк без колебаний брался за самую черную работу наравне со своими солдатами. Кэрн довольно улыбнулся. Он внезапно понял, почему возглавляемые Гаррошем орки так сильно им восхищались.

– Мои плечи уже не так широки, как раньше, но, смею сказать, свою ношу они вынесут, – промолвил Кэрн. – Давайте братья за работу.

Им понадобилось менее двух дней, чтобы собрать припа-

сы войскам в дорогу, погрузить их на кодо и перевезти на корабль. Пока они трудились, многие орки и тролли пели песни на своих грубых, гортанных языках. Кэрн понимал орочий и зандали, и разница между тем, что происходило в песнях и тем, чем они занимались на самом деле, вызывала у него улыбку. Тролли и орки жизнерадостно пели об отрубленных руках, ногах и головах, в то время как сами привязывали поклажу на спины добрейших вьючных кодо. Впрочем, они были в хорошем настроении, и Гаррош пел так же громко, как и все.

Однажды, когда они шли бок о бок, неся ящики на корабль, Кэрн спросил:

– Почему ты оставил свой лагерь, Гаррош?

Гаррош поправил груз на своем плече.

– Я никогда не планировал там оставаться. Зачем, когда Крепость Песни Войны была так близко?

Кэрн окинул взглядом Дом Вождей и башню.

– Тогда зачем что-то строить?

Гаррош не ответил, а Кэрн не стал допытываться и дал ему время подумать. Про Гарроша можно было сказать многое, но молчаливым молодого орка уж точно никто бы не назвал. Он заговорит... рано или поздно.

И верно, вскоре Гаррош произнес:

– Мы построили все это, когда высадились. Сначала все шло хорошо, но затем из тумана вышел противник, с каким мне еще не приходилось сталкиваться. Как я понял, тебе по

пути они не встретились, но, признаюсь, я думал, что они могут вернуться.

Могучий противник, осадивший самого Гарроша?

– Что же это за враг, столь досаждавший тебе?

– Их зовут квалдирами, – начал Гаррош. – Клыкярры думают, что это рассерженные духи убитых врайкулов.

Кэрн переглянулся с шагавшим рядом тауреном Мааклу Призывающим Облака. Тот был шаманом и, взглянув на Кэрна, кивнул. Никто из отряда Кэрна никогда лично не сталкивался с врайкулами, но вождь слышал о них. Они напоминали людей, если только люди могут быть ростом выше тауренов, с кожей, иногда покрытой льдом, а иногда будто сделанной из металла или камня. Во всяком случае, они точно были крупнее людей, жестокие и могучие. Кэрн не испытывал беспокойства, когда его окружали духи, но только если то были духи тауренских предков. Их присутствие приветствовалось. Однако старого быка тревожила мысль о том, что здесь водились призраки врайкулов. Призывающему Облака, очевидно, тоже сделалось не по себе.

– Они приходят, когда туман сгущается. Клыкярры говорят, туман помогает им обрести форму, – продолжал Гаррош. Похоже, сам он в это не верил. К тому же в его голосе звучали странные нотки. Неужели то был... стыд? – Они вселили ужас во многих моих воинов. Их натиск был настолько силен, что нам пришлось отступить к Крепости Песни Войны. У меня получилось отбить это место только когда пал

Король-лич.

Молодого орка вновь захлестнул стыд. Не потому, что он видел «призраков», если они действительно ими являлись, но потому, что был вынужден бежать от них. Неудивительно, что Гаррош не любил говорить о том, почему он оставил свой лагерь – место, к которому был привязан и которым гордился.

Кэрн нарочно отвел взгляд от сердитого Гарроша, приготовившегося защищать свою честь, посмей хоть кто-нибудь упрекнуть его в трусости.

– Плеть не появляется у этих берегов, – добавил Гаррош, словно оправдываясь. – Похоже, даже им не нравятся квалдиры.

Что ж, раз квалдиры до сих пор на них не напали, Кэрна все устраивало.

– Крепость Песни Войны стратегически расположена лучше, – вот и все, что сказал таурен.

Кэрн распрощался с Саурфангом в полдень второго дня. Он крепко сжал руку старого орка. Гаррош мог сколько угодно шутить о тишине и спокойствии, ожидавших местный гарнизон, но реальность обещала оказаться совершенно иной. Саурфангу наверняка будут являться призраки, пусть даже лишь в его воспоминаниях. Глядя в глаза верховного воеводы, Кэрн понимал это, и он знал, что орк тоже все понимает.

Кэрн хотел снова поблагодарить его, как-то поддержать, похвалить за успешно выполненное предприятие. За то, что он смог вынести такую ношу. Но Саурфанг был орком, а не эльфом крови. Он не нуждался в щедрых комплиментах и многословных речах. Они были ему неприятны.

– За Орду, – просто сказал Кэрн.

– За Орду, – ответил Саурфанг. И этого было достаточно.

Бойцы из последних частей армии Песни Войны, собравшиеся уходить с Нордскола, взвалили свое оружие на плечи и двинулись на запад, через каменоломню, в сторону равнины Назама.

Как и каждый раз до этого, плотный туман сомкнулся вокруг них. Кэрн не чувствовал в нем ничего сверхъестественного, но, по его собственному признанию, он был воином, а не шаманом. К тому же ему не доводилось испытать то, что перенесли бойцы Гарроша, или видеть то же, что видели они. Но таурен знал, что злые духи существуют.

В тумане они двигались медленнее, но никакие необыкновенные противники не собирались на них нападать. Однако когда они вышли на берег к ждавшим их маленьким лодкам, Кэрн замедлил шаг. Он почувствовал... нечто. Таурен принюхался к холодному влажному воздуху и повел ушами. Потом напряг свои старые глаза, вглядываясь в мутный туман, но увидел лишь слабый силуэт корабля. Сначала одного... Затем двух... Трех...

– Квалдиры! – проревел Гаррош.

Глава вторая

Несколько драгоценных секунд воины пытались побороть страх и сосредоточиться на предстоящей битве. Из туманной пелены появились корабли с мертвецами на борту – бледными, зеленоватого гнилостного оттенка, завернутыми в водоросли. Их одежда была рваной и мокрой. Весла поднялись, и квалдиры с воем и стонами прыгнули вниз, а потом бросились на берег.

Они были повсюду. Громадные и ужасные, квалдиры пытались отрезать воинов Орды от крепости Песни Войны, двигаясь намного быстрее, чем могли перемещаться любые другие живые мертвецы. Второй корабль подошел к «Скеле-

ту Маннорота», и твари, которых некоторые считали духами умерших, стали нападать на живых. На берегу квалдирь окружили Кэрна и Гарроша, напав так стремительно, что часть бойцов Адского Крика погибла, не успев даже поднять на противника оружие.

Впрочем, Кэрн тоже двигался быстрее, чем кто-либо мог ожидать. В отличие от некоторых орков, застывших от ужаса или спасавшихся бегством, он не боялся мертвецов. Пусть подходят. С глубоким ревом таурен ринулся в сторону громадного мертвого воителя, по пути пытаясь сшибить древком своего фамильного рунного копья других нападавших. Те ловко отскочили в сторону, избежав столкновения, – даже сквозь стоны и вопли Кэрн услышал, как копье рассекло пустой воздух. Как и все оружие Кэрна, оно было освящено шаманом и могло сразить даже призрака.

– Стойте и деритесь! – проревел Кэрн. – Бежать некуда!

И он был прав. Воины Орды оказались в ловушке, запертые между крепостью и кораблем в океане, на который тоже напали. Они оказались без защиты под открытым небом и...

Нет. Не под открытым небом.

– Отступаем! – рявкнул Кэрн, отменяя свой предыдущий приказ. Он как мог повысил голос, стараясь перекрычать потусторонние вопли квалдиров и боевые выкрики той жалкой кучки солдат, что остались от некогда могучей армии Песни Войны. – Отступаем к Дому Вождей в Лагере Гарроша! – Там они могли перевести дух, выработать план, собраться

с силами. Все лучше, чем стоять на месте, отбиваться безо всякой стратегии и бесславно погибнуть.

Учитывая склонность Гарроша к опрометчивым поступкам, Кэрн был почти уверен, что тот начнет возражать. Но вместо этого Гаррош откликнулся на призыв, протрубив в висевший у него на боку рог, и указал на запад. Бойцы Орды тут же двинулись в том направлении, прорубая себе путь через мертвецов. Некоторые так и не дошли, обезглавленные или выпотрошенные двухсторонними и вполне осязаемыми топорами квалдиров. Даже Кэрн с трудом пробирался вперед. В какой-то момент бледная рука крепко ухватила за древко рунного копья, почти вырвав его из рук таурена. Кэрн не стал тянуть оружие в свою сторону, напротив, он позволил чудовищной твари подтянуть его к себе.

Рунное копье не могло достаться ни одному врагу.

Таурен издал боевой клич и нанес колющий удар.

Копье вошло глубоко. Глаза квалдира расширились. Он раскрыл рот, из которого потекла кровь, и рухнул на землю. Кэрн уставился на него. Плоть, кровь и кости! Гаррош был прав, когда не поверил в сказки клыкарров. Призрачные духи оказались обычными живыми существами. А все живое... может умереть.

Это открытие придало Кэрну сил, и он постепенно прорвался к Дому Вождей, частично скрытому таинственным туманом. Дымка оказалась не зловещей магией, а всего лишь прикрытием для врайкулов – именно ими, похоже, и оказа-

лись нападавшие. Некоторые из них добрались до укрытия раньше таурена. Кэрн с досадой увидел, что две из трех дверей повреждены: одной не было вовсе, другая повисла на одной петле.

Его взор упал на стол, за которым в лучшие времена солдаты собирались для трапезы. Даже сейчас на нем стояли выданный виды фонарь и миска. Одним широким движением могучей руки Кэрн скинул их со стола и двумя руками ухватился за него. Слегка закряхтев, таурен поднял стол вместе с приколоченными к нему скамейками и заспешил к двери.

Гаррош широко улыбнулся.

– А ты умен и силен, старый бык. – Он произнес это неохотно, но с искренним восхищением. – Эй, ты! Хватай ящики! Все остальные, скорее, внутрь! Давайте!

Они послушались. В одиночку держа стол на весу, Кэрн ждал, пока последний тролль, истекающий кровью из рубленой раны на ноге, не ввалился в Дом Вожей. Как только он оказался внутри, Кэрн нырнул за ним, с грохотом впечатав стол в дверной проем под углом так, чтобы тот наглухо застрял. Не прошло и секунды, как импровизированная «дверь» содрогнулась от ударов нападавших. Послышался грохот и стоны «мертвецов».

Кэрн глубоко вдохнул, продолжая баррикадировать «дверь».

– Хотя они и враги, они все-таки живые враги, – произнес таурен. – Гаррош, ты был прав. Квалдиры – это всего

лишь врайкулы. Они используют туман и костюмы как оружие, чтобы перед нападением вселить ужас в сердца своих врагов. Меня тоже одурачили, но когда мое рунное копьё пронзило одного из них, я понял, что происходит.

– Кем бы они ни были, долго нам не выстоять, – выдохнул Призывающий Облака, широкой спиной оперевшись в содрогавшуюся «дверь». Другие пришли ему на помощь. Присутствующие шаман и друиды отчаянно пытались помочь пострадавшим, но тех было много, слишком много. Треть воинов и без того маленького отряда оказалась ранена, некоторые из них – серьезно.

– Ящики. В них есть оружие? Хоть что-нибудь, что может нам помочь?

Идея была хорошей, но безнадежной. Большинство бойцов побросали припасы, когда вступили в схватку с противником. Да и было бы глупо, спасаясь бегством, тащить за собой к Дому Вождей тяжеленные ящики.

– У нас ничего нет, – вынес вердикт Кэрн. – Ничего, кроме нашего мужества.

Он сделал глубокий вдох, рассчитывая сказать несколько слов, чтобы приободрить своих воинов и бойцов Гарроша перед их, несомненно, последней битвой. Вдруг Гаррош прервал его.

– Да, с нами наше мужество, – заговорил орк. – Но есть кое-что еще. И эти лжепризраки заплатят высокую цену за то, что попытались одурачить нас. Они думают, что мы – лег-

кая добыча вне защиты крепостных стен, и они хотят занять этот лагерь. Они познают всю ярость Орды!

Широкими шагами орк вышел на середину помещения и откинул в сторону лежавший на полу плетеный коврик, под которым оказалась крышка люка. Закряхтев от натуги, Гаррош медленно откинул ее. Крышка со звоном упала в сторону, обнажив небольшое углубление.

Углубление, доверху забитое гранатами.

Некоторые из бойцов издали радостные возгласы. Другие же с недоумением посмотрели на Гарроша.

– Ты оставил все это здесь на всякий случай, верно? – удивленно просил Кэрн. – Чтобы было куда отступать, если крепость Песни Войны падет?

Кэрн знал, что орки не очень-то любили иметь в запасе «план Б». Они в принципе старались даже не думать о возможности поражения. Однако Гаррош, очевидно, готовился именно к этому, когда оставил ящик с ценным оружием в песке на случай, если оно когда-нибудь понадобится отступающим оркам.

Гаррош быстро кивнул:

– Неприятно об этом думать.

– И все же, это – признак лидера. Того, кто предусматривает все возможные исходы, даже неприятные... даже немислимые, – поддержал его Кэрн. – Ты правильно поступил, Гаррош.

Таурен склонил голову в знак уважения. В ту же секунду

особенно мощный удар чуть было не вышиб дверь, которую он подпирал.

Остатки отряда Песни Войны бросились хватать маленькое, но смертоносное оружие. Все это время удары снаружи не прекращались. Сваленные у прохода ящики постепенно отодвигались в сторону, а служивший дверью стол начал разваливаться. Кэрн переступил копытами и подвинулся так, чтобы продолжать держать дверь, пока остальные разбирали гранаты. Гаррош поднялся на ноги и кивнул ему.

– Раз, два, три! – крикнул таурен. На счет «три» орки отступили в сторону, в то время как Кэрн и два других орка, державших уцелевшую дверь, распахнули ее. Гаррош был тут как тут. Воплощение ярости и смерти, с громадным боевым топором в каждой руке, он издал боевой клич своего отца и начал рубить лжепризраков направо и налево. Кэрн отступил, позволяя другим первыми бежать в сторону корабля. Они бросили гранаты в группу квалдиров. Прогревели взрывы, и путь был свободен – если не считать свежие трупы нападавших. У защитников появилось несколько драгоценных секунд, прежде чем подойдет следующая волна лжемертвецов.

– Вперед, вперед! – проревел Кэрн, поворачиваясь, чтобы поднять свое копьё. Он быстро закинул его за спину. Если в следующие несколько минут ему придется сражаться, все пропало. Настоящая битва ждала их на корабле. Освободившимися руками таурен подхватил тяжелораненого ор-

ка, словно воин ничего не весил, и что есть духу побежал к «Скелету Маннорота» так быстро, как только мог.

Кораблю сильно досталось, на палубе шел бой, но Кэрну казалось, что судно еще годится для выхода в море.

Он почувствовал боль в сердце, когда меньше чем в четырех шагах от него рухнул тролль, из спины которого торчал топор. Позже у воинов Орды еще будет время воздать почести павшим, но сейчас Кэрн мог только перепрыгнуть через тело и продолжить бег.

Копыта увязали в песке. Он чувствовал, что движется медленно, и в который раз проклял свой возраст и стареющее тело. Послышался жуткий вопль, и один из квалдиров прыгнул на него, могучими руками поднимая топор. Кэрн постарался увернуться, но оказался недостаточно проворен и замычал от режущей боли в боку.

Наконец он добрался до цели и опустил свою ношу в одну из маленьких шлюпок. Та, полная раненых, сразу отчалила. На нее тут же напали, и Кэрну пришлось стоять в маленькой раскачивающейся лодке, отбиваясь от квалдиров, пока два орка неистово гребли к кораблю. В какой-то момент таурен снова посмотрел в сторону берега, усыпанного трупами «призраков».

И трупами храбрых членов Орды.

Но некоторые «трупы» все еще шевелились. Кэрн прищурился и выпрыгнул из подплывшей к «Скелету Маннорота» лодки.

Он повернул обратно. Таурен то плыл, то брел в сторону берега, к раненым. Он намеревался сделать все возможное, чтобы количество погибших членов Орды не возросло.

Шесть раз он подплывал к кораблю и шесть раз возвращался, неся на руках тех, кто не мог перебраться в безопасное место сам. У воинов Гарроша закончились гранаты, и на берегу кровь смешалась с песком. Жуткая, вязкая смесь хлюпала под копытами Кэрна, когда он бежал. Сквозь звуки битвы он слышал боевой клич Гарроша, поднимавший дух и его воинов, и даже самого Кэрна. Наконец все, кого можно было спасти, оказались в безопасности.

– Гаррош! – прокричал Кэрн. Из полудюжины ран на его теле сочилась кровь, и таурен тяжело дышал, озираясь по сторонам в поисках орка. Тот стоял поодаль, весь в крови, размахивая своими топорами, крича что-то нечленораздельное и кроша врагов на куски. Он был настолько одурманен боем, что совсем не обращал внимания на призывы Кэрна. Таурен поспешил к нему и схватил Гарроша за руку. От неожиданности орк резко обернулся, взметнув топоры в воздух, но вовремя остановился и не нанес удар.

– Нужно отступить! Раненые у нас! Битва теперь идет на корабле! – кричал ему Кэрн, тряся за руку.

Гаррош кивнул.

– Отступаем! – крикнул он, заглушая звуки боя. – Отступаем на корабль! Там мы продолжим бой и перебьем наших врагов на воде!

Те немногие, кто все еще сражался, повернулись и побежали к воде, на ходу запрыгивая в отчаливавшие к «Скелету Маннорота» лодки. Квалдиры стащили одну незадачливую троллиху со шлюпки, вытащили на берег и стали отрывать конечности одну за другой. Кэрн заставил себя не прислушиваться к ее крикам. Изо всех сил он оттолкнул последнюю лодку от берега и запрыгнул в нее.

Несколько огромных человекоподобных существ уже забрались на корабль. Капитан Тула выкрикнула приказ отчаливать, и ее команда торопливо подчинилась. Якорь был поднят, и корабль начал двигаться в открытое море. Судна квалдиров, окутанные холодной липкой мглой, погнались за ними. Теперь, когда все понимали, что дерутся с живым противником, квалдиры уже не казались такими страшными, но все еще оставались по-настоящему опасными. Пока остатки отряда Песни Войны забирались на корабль, экипаж держал оборону, но теперь они могли вернуться к своим постам, уступив сражение воинам. Корабли квалдиров подошли вплотную к их судну – настолько близко, что Кэрн мог разглядеть зловещие ухмылки на лицах кровожадных врагов.

– Не дайте им забраться на борт! – проорал Гаррош. Он разрубил одного противника, перепрыгнул через все еще подергивающееся тело и отсек руки лезущего через борт квалдира. Враг с криком рухнул в ледяную воду. – Тула! Уходим в море! Мы должны оторваться от них!

Экипаж лихорадочно бросился выполнять приказ. Кэрн, Гаррош и остальные сражались, как демоны. Лучники и мушкетеры стреляли по вражескому судну. Несколько лучников подожгли стрелы, целясь в паруса, и когда один из них наконец занялся, раздались радостные крики. Яркие языки оранжевого пламени пронзили холодную серую мглу – огонь распространился, и парус начал потрескивать. «Скелет Маннорота» устремился в открытое море. Кэрн ожидал, что квалдиры попытаются их преследовать, но этого не произошло. Таурен слышал, как твари что-то прокричали друг другу на своем уродливом наречии, и часть их команды поспешила тушить пожиривший корабль огонь, пока остальные столпились на носу, изрыгая проклятия в сторону быстро удалявшегося судна Орды.

Кэрн вдруг почувствовал боль от ран и поморщился. Он позволил себе лечь на дно шлюпки и на минуту прикрыл глаза. Пусть лжепризраки неистовствуют. Сегодня они отняли меньше жизней, чем хотели.

Кэрн устало подумал, что пока достаточно и этого.

Глава третья

– Мне жаль покидать это место, – произнес Гаррош несколько часов спустя, когда они стояли на палубе «Скелета Маннорота».

Кэрн уставился на него.

– Жаль? Я думал, Нордскол символизирует кровопролитие и утраты. Лучшие из лучших сложили там свои головы. Никогда в жизни я не жалел о том, что должен покинуть поле брани.

Гаррош усмехнулся:

– Ты уже давным-давно не был на поле брани... старик.

Кэрн нахмурил брови и выпрямился во весь рост, возвышаясь даже над Гаррошем.

– Для старика моя память, похоже, острее твоей, юнец. Где же мы, по-твоему, были несколько часов назад? Или ты совсем не ценишь жертвы своих воинов? Или ты насмеяешься над полученными всеми нами ранами?

Гаррош буркнул что-то под нос и не ответил, но таурен видел, что для орка совершенный ими прорыв не шел ни в какое сравнение со славной битвой в поле. Возможно, он считал постыдным, что их вообще окружили. Кэрн повидал слишком много, чтобы думать о таких глупостях, но в жилах молодого орка кровь так и кипела. Когда-нибудь Гаррош поймет, что слава заключается не в том, где сражался воин, а в том, как он сражался. И с этой точки зрения Орде было чем похвастаться.

Впрочем, как и Гаррошу – это тоже следовало признать. Его опрометчивая готовность ввязаться в бой оправдала себя. В этот раз. Хотя многие, с кем Кэрн разговаривал, включая явно недолюбливавшего молодого орка Саурфанга, говорили, что это качество Гарроша неоднократно оправдывало себя и раньше. Где же пролегалла граница между отвагой и безрассудством? Или между интуицией и жаждой крови? С арктических морей подул холодный, пронизывающий ветер, и Кэрн, несмотря на свою плотную шерсть, вздрогнул от холода. Его тело ныло от ран и усталости. Таурену пришлось признать, что он действительно стал драться намного реже, хотя все еще мог постоять за себя, когда нужно.

– Вопреки всему, Орда одержала победу над ужасным противником в Нордсколе, – проговорил Гаррош, возвращаясь к изначальной теме разговора. – Каждая отданная жизнь была нужна для этой победы. Для чести и славы Орды. Саурфанг потерял родного сына. В его честь и в честь всех пав-

ших сложат и будут петь лок'вадноды. Однажды, если будет на то воля предков, и про меня что-нибудь споют. Поэтому мне жаль уходить, Кэрн Кровавое Копыто.

Кэрн кивнул седой головой.

– И все же, я думаю, с твоим лок'вадномом мы пока по-временим, хм?

Сын Грома Адского Крика с готовностью рассмеялся над его попыткой поднять настроение.

– Когда придет смерть, я встречу ее с гордостью. Сражаясь за мой народ, с оружием в руках и боевым кличем на устах.

– Хм-м, – пророкотал Кэрн. – Славный способ уйти из жизни. С честью и славой. Хорошо бы нам всем удостоиться такого конца. Но перед этим мне еще нужно посмотреть на звезды, послушать бой там-тамов. Многому научить молодых, увидеть, как они становятся взрослыми. И лишь затем я буду готов пуститься со смертью в последний путь.

Гаррош открыл рот, чтобы ответить, но порыв ветра выбил слова из его клыкастого рта. Даже Кэрна, громадного и могучего, отбросило на шаг силой неведомо откуда взявшегося урагана. Корабль накренился под ними, завалившись на один борт, и внезапно вся палуба оказалась залита водой.

– Что происходит?! – проревел Гаррош. Даже его громкий возглас был едва различим из-за воя порывистого ветра. Кэрн не знал, как моряки называли такой шторм, и считал, что сейчас не лучшее время это узнавать. Капитан Тула с выпученными глазами выбежала на палубу. Ее голубая кожа

побледнела, а рабочая одежда – черные портянки, штаны и простая белая рубашка – намокла и прилипла к телу. Черные волосы капитана вырвались из пучка на голове и теперь были похожи на мочалку.

– Чем я могу помочь? – тут же спросил Кэрн, обескураженный ее очевидным беспокойством больше, чем буквально из ниоткуда налетевшим ураганом.

– Бегом вниз, салаги, чтоб мне о вас не думать! – прокричала троллиха, слишком сосредоточенная на проблеме, чтобы вспомнить о субординации и вежливости. Не будь их положение таким плачевным, Кэрн бы усмехнулся. Вместо этого он бесцеремонно схватил Гарроша за шиворот громадной ручищей и потащил протестующего орка к середине корабля. В этот момент их всех накрыла волна.

Кэрна словно огромной рукой вдавило в палубу, вышибив из него дух. А когда таурен попытался вдохнуть, в его легкие вместо воздуха попала вода. Так же быстро, как появилась, волна отступила, едва не утащив Кэрна и Гарроша столь же легко, будто они были прутиками, плывущими по течению Кель’Таласа. Как один, орк и таурен схватились друг за друга, до боли сжав руки. Они врезались в изогнутый фальшборт, на мгновение притормозивший их. Кэрн поднялся, пытаясь как-то удержаться и оставляя своими копытами глубокие борозды в скользкой деревянной палубе. Фыркая и ревя от натуги, он упрямо шел вперед, таща за собой Гарроша, пока орк сам не смог подняться. Внезапно слишком, слиш-

ком близко блеснула молния, и почти сразу же за ней послышался оглушительный раскат грома.

Но Кэрн продолжал двигаться вперед. Одной рукой он держал Гарроша, а другой тянулся к дверному проему, пока наконец не ухватился за скользкую, но крепкую раму, и они вместе не то скатились, не то соскользнули вниз, в трюм.

Гарроша вырвало водой, а затем он упрямо ухватился за что-то своей коричневой рукой и попытался подняться.

– Только трусы и дети сидят в трюме, пока остальные рискуют жизнями, – выдохнул орк.

Кэрн неласково положил руку на закованное в броню плечо Гарроша.

– И лишь честолюбивые дети путаются под ногами у тех, кто пытается спасти жизни, – прорычал он. – Не будь дураком, Гаррош Адский Крик. Капитан Тула должна следить, чтобы корабль не раскололся надвое, а не тратить свое драгоценное время и энергию на то, чтобы нас не смыло за борт!

Гаррош уставился на него, затем запрокинул голову и взвыл от досады. Но, к его чести, орк не попытался вернуться наверх.

Кэрн приготовился, в лучшем случае, к долгому и тяжелому ожиданию, а в худшем – к холодной и мокрой смерти. Вместо этого шторм прекратился так же внезапно, как и начался. Они даже не успели отдышаться, когда бешеная качка корабля стихла. Несколько мгновений воители смотрели друг на друга, а затем повернулись и заспешили по лестнице

наверх.

Невероятно, но солнце уже выглядывало из-за быстро рассеивающихся облаков. Увы, когда Кэрн вышел на палубу, его глазам открылась совсем не такая радужная картина.

Отблески солнца играли на гладкой серебристой поверхности океана, по которой всюду плавали обломки. Кэрн резко обернулся, считая уцелевшие корабли. Он насчитал лишь три и молил предков, чтобы оставшиеся два корабля всего лишь отнесло в сторону. Однако качавшиеся на волнах обломки служили неммым доказательством того, что как минимум один корабль не пережил шторм.

Выжившие хватались за плававшие ящики, моля о спасении, и Кэрн вместе с Гаррошем бросились помогать. Тут они хотя бы могли что-то сделать. Им понадобился час, чтобы вытащить захлебывающихся, промокших орков, троллей, тауренов и нескольких Отрекшихся с эльфами крови на уцелевшие корабли.

Капитан Тула мрачно и немногословно отдавала приказы. «Скелет Маннорота» пережил... ураган? тайфун? цунами? Кэрн точно не знал. Их корабль почти не пострадал, и теперь оказался забит под завязку выжившими, которые кутались в одеяла и тряслись от холода. Кэрн похлопал молодую троллиху по плечу, передал ей кружку с горячей похлебкой, а затем подошел к капитану.

– Что произошло? – спросил он тихо.

– Не знаю, будь я проклята, – последовал ответ. – Я с ма-

лолетства хожу по океану. Десятки раз я ходила в этот рейс, отвозила припасы в крепость Песни Войны, пока мне не помешали квалдиры. И никогда не видела ничего подобного.

Кэрн мрачно кивнул.

– Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что так и понял. Думаешь, это может быть...

Гневный вопль, который могла издать только глотка Адского Крика, прервал его. Кэрн резко повернулся и посмотрел на указывавшего в сторону горизонта Гарроша. Того сильно трясло, но, очевидно, от гнева, а не от страха или холода.

– Туда смотрите! – крикнул орк. Кэрн повернулся в нужном направлении, но ослабевшее зрение вновь подвело его. Однако капитан Тула все увидела. Она выпучила глаза.

– Да они же идут под флагом Штормграда, – выдохнула она.

– Альянс? В наших водах? – поразился Гаррош. – Они явно нарушают наш договор.

Гаррош имел в виду договор между Ордой и Альянсом, подписанный вскоре после поражения Короля-лича. Обе стороны понесли невообразимые потери после долгой битвы и согласились на время прекратить вражду и стычки в Альтеракской долине, низине Арати и ущелье Песни Войны.

– Мы точно все еще в водах Орды? – тихо уточнил Кэрн. Тула кивнула.

– Тогда и по их, и по нашему закону, мы можем захватить

их! – ухмыльнулся Гаррош. – Договор позволяет нам оборонять территорию – в том числе и наши воды!

Кэрн не мог поверить своим ушам.

– Гаррош, мы не в состоянии напасть на них. Да и им, похоже, до нас дела нет. Ты не подумал, что их сбил с курса тот же самый шторм, который разбил наши корабли? Что, если они оказались здесь случайно, а не с целью нападения?

– Значит, так решили ветры судьбы, – возразил Гаррош. – Они должны встретить свою участь с честью.

В эту секунду Кэрн понял, что происходит. У Гарроша нашелся идеальный повод, чтобы напасть, и он, очевидно, собирался его использовать. Орк не мог отомстить буре, повредившей корабли Орды и забравшей жизни стольких его людей, но он мог выместить свою злобу и раздражение на незадачливом судне Альянса.

К огорчению Кэрна, даже капитан Тула закивала.

– Нам понадобится много припасов, чтобы восполнить то, что мы потеряли, – заявила она, задумчиво щурясь и постукивая пальцем по подбородку.

– Тогда возьмем то, что по праву наше. «Скелет Маннорота» сможет выстоять в битве?

– Конечно. Надо подготовиться, но корабль выстоит.

– Уверен, многие с радостью помогут тебе, – ответил Гаррош. Тула кивнула и пошла прочь, раздавая приказы направо и налево. Гаррош оказался прав. Все повскакивали на ноги, отчаянно желая найти себе какое угодно занятие, лишь

бы не сидеть и не проклинать судьбу. Кэрн видел и одобрял их порыв и стремление, но если его подозрения верны, то члены экипажа судна Альянса окажутся всего лишь невинными жертвами...

Корабль медленно повернулся, его паруса раздулись, и он направился в сторону «вражеского» судна. Когда они подошли ближе, Кэрн смог лучше разглядеть тот корабль, и его сердце сжалось.

Судно Альянса и не пыталось оторваться от их очевидной погони. Да и не могло, даже если бы капитан того захотел. Корабль сильно кренился на левый борт. Его паруса были изодраны порывистым ветром, сыгравшим чуть менее злую шутку с флотом Орды. В трюм корабля поступала вода. Кэрн только сейчас разглядел штандарт судна – морду льва Штормграда.

Гаррош рассмеялся.

– Отлично! Это просто подарок. Еще один шанс показать Вариану, какого высокого я о нем мнения.

В последний раз, когда Гаррош и король Штормграда Вариан Ринн оказались в одном помещении, дело дошло до схватки. Кэрн не очень-то жаловал людей, но и неприязни к ним тоже не испытывал. Если бы тот корабль напал на них, таурен первым приказал бы открыть ответный огонь. Но судно оказалось разбито, оно тонуло, и даже без их «помощи» вскоре должно было навсегда исчезнуть под ледяной толщей воды.

– Ты выше мелочного мщения, Гаррош! – рявкнул Кэрн. – Много ли чести в убийстве тех, кто вот-вот пойдет ко дну? Быть может, ты и не нарушаешь букву закона, но зато извращаешь его суть.

Таурен повернулся к Туле, надеясь, что та одумается.

– Я командую этим походом, капитан. Так что Гаррош ниже меня по званию. И я приказываю вам оказать помощь потерпевшим бедствие из-за шторма. Они оказались здесь не по злему умыслу, а случайно. И в помощи другим больше чести, чем в убийстве.

Троллиха пристально посмотрела на Кэрна.

– Я тебя, конечно, уважаю, но наш вождь поставил тебя командовать только перевозкой ветеранов Песни Войны домой. А все военные вопросы должен решать воевода Гаррош.

Кэрн уставился на нее с открытым ртом. Капитан была права. Таурен вообще не вспомнил об этом, когда они всеми силами отбивались от внезапной атаки квалдиров. Тогда он и Гаррош думали одинаково. Ни один не сомневался, что нужно было драться, поэтому они спорили лишь о том, как лучше расправиться с врагом. Но теперь, несмотря на то что Кэрн продолжал командовать переброской войск домой, они все еще были обязаны подчиняться Гаррошу до того момента, пока Тралл официально не отстранит орка от командования. Кэрн ничего не мог поделать.

Тихо, чтобы его услышал только Гаррош, таурен проговорил:

– Пожалуйста, прошу тебя. Не делай этого. Наш враг уже сломлен. Они все равно погибнут здесь, если мы решим не помогать им.

– Тогда быстрая смерть для них – милосердие, – ответил Гаррош.

Точку в их споре поставил грохот пушек. Кэрн не отводил взгляд от несчастного судна Альянса, в то время как пушечные ядра дырявили его борт. С других кораблей полетел град стрел. Перекрывая шум ветра и волн, воздух сотряс боевой клич воинов Орды – звук, который не мог забыть ни один воин Альянса.

– Еще! – крикнул Гаррош. Они все еще приближались к судну, и орк, похожий на волка в разгар охоты, бросился на нос корабля.

Мачта на судне Альянса переломилась, но Кэрн различил на палубе неистово размахивающую белым флагом фигуру. Даже если Гаррош что-то и заметил, то не подал виду. Как только «Скелет Маннорота» подошел достаточно близко, орк взвыл, прыгнул на вражеский корабль с оружием в каждой руке и напал на людей.

Кэрн с отвращением отвернулся. По закону Гаррош был прав, но с любой другой точки зрения – морали или духа – он поступал скверно. Ужасно скверно, и Кэрн мрачно думал о том, как духи отомстят за это Орде, или Гаррошу, или, быть может, самому Кэрну Кровавое Копыто за бездействие.

Все закончилось быстро. По крайней мере, для орков.

Гаррош, к удивлению Кэрна, через несколько секунд приказал своим бойцам остановиться. Таурен наострил длинные уши и подошел поближе, стараясь увидеть и услышать, что Гаррош сделает дальше.

– Приведите капитана! – потребовал орк. Вскоре, крепко держа человека за обе руки, прибежал тролль и бросил незадачливого мореплавателя на палубу.

Гаррош несильно пнул его ногой.

– Ты зашел в воды Орды, пес Альянса.

Жилистый, загорелый, высокий для своего вида мужчина с коротко стриженными черными волосами и аккуратной бородкой уставился на орка.

– Есть договор...

– Который не предусматривает вторжение на нашу территорию. Очевидно, что вы собирались напасть!

– Вы же видели, в каком мы состоянии, – оторопело ответил капитан. – Даже кролик бы не подумал, что мы можем напасть!

Этого говорить не стоило – Гаррош пнул его в ребра. Кэрн услышал, как одно или два из них сломались. Капитан застонал, побледнел и тут же покраснел.

– Вы зашли в воды Орды, – повторил Гаррош. – В каком бы состоянии ни был ваш корабль, я по праву могу делать здесь все, что пожелаю. Знаешь ли ты, кто я?

Человек мотнул головой.

– Я – Гаррош Адский Крик, сын великого героя Орды Гро-

ма Адского Крика! – Глаза капитана расширились и он снова побледнел. Человек явно узнал имя орка. Или, по крайней мере, имя его отца – Гром Адский Крик был легендой не только для Орды, но и для Альянса. – Я сразил своих врагов и взял ваше судно во имя Орды, а вас – в качестве военнопленных. Осталось лишь понять, что же теперь с вами делать? Я мог бы поджечь ваш корабль и дать вам сгореть, – вслух размышлял орк, потирая подбородок. – Или просто бросить вас здесь. Как я вижу, у вас нет шлюпок. Здесь водятся и акулы, и касатки. Уверен, мясо Альянса придется им по душе так же, как и моим троллям.

Капитан шумно сглотнул, наверняка осознав, что именно тролль притащил его к Гаррошу и теперь стоял рядом. Тролль захихикал и наигранно облизал губы. И Кэрн и Гаррош знали, что тролли Черного Копья не едят людей, но, очевидно, капитану это было неизвестно.

– Мой друг Кэрн Кровавое Копыто, – продолжил Гаррош и, не оборачиваясь, ткнул большим пальцем через плечо, – просил меня проявить милосердие. И ты знаешь, я думаю, что он мог быть прав.

Капитан быстро перевел взгляд на Кэрна. Старый бык был уверен, что на его лице отражалось не меньшее удивление, чем на лице человека. Что задумал Гаррош? Вместе со своими людьми он захватил корабль, перебив почти весь экипаж. И теперь заговорил о милосердии?

– Сегодня, капитан, я показал тебе могущество Орды, и

я же покажу тебе ее милосердие. Я вижу, лишь одиннадцать членов твоей команды пережили... бурю, – Орк слегка улыбнулся. – Мы дадим вам две лодки и немного провизии из наших драгоценных запасов. Если вам улыбнется удача, этого хватит, чтобы добраться до безопасного места. А когда вы, наконец, окажетесь дома, то ты расскажешь всем, что здесь случилось. Скажи им, что Гаррош Адский Крик подарил сегодня тебе и твоим людям и смерть, и жизнь.

Не произнеся больше ни слова, Гаррош развернулся и ловко перепрыгнул обратно на борт «Скелета Маннорота». Он быстро и тихо сказал несколько слов Туле. Та кивнула и отдала приказы команде. Кэрн смотрел, как матросы вынесли из трюма немного припасов и один бочонок воды, погрузили все в две шлюпки и спустили их на воду. По крайней мере, Гаррош решил сдержать свое странное обещание. Таурен печально смотрел, как люди поспешно забрались в лодки и начали грести в сторону Нордскола.

Он перевел взгляд на Гарроша, выпрямившегося во весь рост и сложившего руки на груди. Несмотря на бурю и на то, что он чуть не утонул, орк так и не снял свою броню.

Гаррош был свирепым воином, виртуозом на поле боя, его любили подчиненные. А кроме того, он был злопамятным, вспыльчивым, и ему еще только предстояло научиться уважению и состраданию по отношению к другим людям. Кэрн решил, что поговорит с Траллом, как только они вернутся. Гаррош хорошо послужил Орде в Нордсколе во время неви-

данного доселе противостояния, но Кэрн знал, что сыну Грома придется несладко, когда они вернутся в Оргриммар. Ибо когда война заканчивалась, те, кто жил лишь битвой, зачастую терялись и не знали, что делать. Вне своей стихии, не имея возможности пускать свою энергию и страсть в привычное русло, они часто оказывались запоздалыми жертвами той же войны, что забрала жизни их товарищей. Только теперь они гибли не на поле боя, а в тавернах или в уличных драках. Или просто становились заблудшими душами, продолжавшими существовать, а не жить.

Гаррош обладал выдающимся потенциалом, он мог очень много достичь, и потому ему нужно было избежать такой участи. Кэрн решил сделать все возможное, чтобы не дать судьбе поставить крест на сыне Грома Адского Крика.

Но чтобы этот план сработал, сам Гаррош должен преисполниться такого стремления. Оценивая, глядя на орка, столь уверенного в своей правоте, Кэрн сильно сомневался, что Гаррош захочет повернуть свою жизнь подобным образом.

Таурен снова посмотрел на удаляющиеся лодки. Что ж, Гаррош оставил хоть кого-то в живых, хотя Кэрн смутно подозревал, что орк поступил так из-за гордыни. Гаррош очень хотел, чтобы слава о его деяниях дошла до ушей Вариана – несомненно, чтобы еще больше позлить короля.

Кэрн глубоко вздохнул, запрокинул голову, подставив лицо слабому, но все еще ощутимо теплему северному солнцу.

Затем он закрыл свои бледно-зеленые глаза и начал молить духов о помощи.

И терпении. О безграничном терпении.

Глава четвертая

Кэрн никогда в жизни не видел в Орgrimмаре подобного празднества. И он не был уверен, что оно ему по душе.

Не то чтобы таурен не хотел воздать почести воинам, столь доблестно сражавшимся с Королем-личом и его подданными. Просто он лучше многих знал, чего – во всех смыслах – стоила эта война. И потому про себя Кэрн не одобрял те излишества, с которыми встречали ветеранов.

Идея парада, как он недавно узнал, принадлежала Гарро-

шу.

– Пусть народ увидит своих героев, – заявил орк. – Пусть они войдут в Оргриммар и получают заслуженный теплый прием!

«И пусть все знают, что к победе их привел Гаррош Адский Крик», – мог мысленно добавить кто-нибудь менее доброжелательный, чем Кэрн.

Впрочем, Гаррош настоял, чтобы пройти вместе с орками предложили всем участникам кампании на Нордсколе. И хотя никто и не ожидал увидеть в процессии Отрекшихся или син’дорайских ветеранов, им бы не отказали в такой чести, изъяви они желание присоединиться. Но у них были свои интересы, и на самом северном континенте мира они вели собственную войну. Нет, в этом параде в основном участвовали те, кто проживал в жарких, пыльных землях Калимдора: орки, тролли и таурены. Кэрну казалось, что сюда пришли все существа, которые когда-либо бросали проклятье Плети или поднимали против нее оружие. Вереница воинов тянулась от самых ворот Оргриммара и заканчивалась далеко за башней дирижаблей.

Отказавшись от розовых лепестков, которые в таких обстоятельствах традиционно использовали в Альянсе, дорогу выложили веточками сосны, которые, когда на них наступали, источали приятный запах. В Дуротаре сосны практически не росли, поэтому Кэрн был уверен, что их привезли издалека. Он глубоко вздохнул и покачал головой, осуждая

подобное расточительство.

Сын Грома возглавлял парад. Когда открылись ворота, он вместе со своими ветеранами Песни Войны шел в первых рядах. Кэрн не завидовал его положению – все-таки сам таурен оставался на Калимдоре, когда Гаррош вместе со своими бравыми воинами отправился в Нордскол. Большинство из них были орками, и это была орочья земля. И все же Кэрн задевало то, что большая часть толпы следовала за Гаррошем, приветствуя его радостными криками и практически не обращая внимания на ряды воинов других боевых подразделений. И пусть у них не было своего харизматичного лидера, они сражались так же достойно, а некоторые из них пожертвовали во имя общей цели гораздо больше юных светлых жизней.

Сам Тралл встречал их у крепости Громмаш. Он был облачен в легко узнаваемый черный латный доспех, некогда принадлежавший Оргриму Молоту Рока, в честь которого был назван Орgrimmar. В своем громадном зеленом кулаке вождь Орды сжимал сам увесистый Молот Рока. Тралл был запоминающейся личностью. Куда бы он ни пошел, его слава шагала впереди. Бывало, что битва заканчивалась, стоило ему лишь появиться на поле боя в подобном облачении.

Рядом с Траллом стоял слегка сгорбленный, но все еще могучий для своих пятидесяти лет Эйтригг. Эйтригг покинул Орду после Второй Войны, когда его сыновей предали и убили в бою их собственные товарищи-орки. Испытывая от-

вращение к моральному разложению и порочности, которые он видел в орках, Эйтригг решил, что его служение своему народу завершено. Он вновь присоединился к Орде, когда Тралл взял бразды правления в свои руки и вернул орков к их шаманским корням. Один из самых ценных и доверенных советников Тралла, он только что вернулся из Зул'Драка, где помогал Серебряному Авангарду. В руках он держал нечто, завернутое в ткань.

Тралл не отводил ярко-голубых, редкого цвета для орков глаз от приближавшейся шеренги воинов. Гаррош остановился прямо перед ним. Несколько секунд Тралл смотрел на него, а затем низко склонил голову в знак уважения.

– Гаррош Адский Крик, – произнес вождь своим глубоким, раскатистым голосом, легко заглушавшим шум толпы, – ты – сын Грома Адского Крика, моего дорогого друга и героя Орды. Когда-то ты не понимал, насколько великим орком был твой отец. Теперь ты это знаешь. И после всего, чего ты достиг в Нордсколе, в своем походе, не остается сомнений, что ты – тоже герой Орды. Мы стоим в тени брони и черепа нашего великого врага – самого Маннорота, чья кровь заразила нас порчей и на долгое время затуманила наш разум. Врага, сраженного твоим отцом. Этим поступком Гром освободил свой народ от ужасного проклятия.

Вождь кивнул Эйтриггу, который выступил вперед. Тралл принял укутанный тканью предмет из его рук и развернул скрывающее его полотно. Внутри лежал топор – не простой,

а топор с именем, знаменитое оружие. На его изогнутом лезвии виднелись две зазубрины, и когда владелец пускал оружие в ход, топор, как и его хозяин, издавал собственный боевой клич, из-за чего и получил свое имя.

Многие узнали это оружие, и по толпе прокатился ропот.

– Это – Кровавый Вой, – печально произнес Тралл. – Топор твоего отца, Гаррош. Именно этим оружием он сразил Маннорота. И сей немислимо отважный поступок стоил Грому Адскому Крику жизни.

Коричневое лицо Гарроша просияло от радости и гордости. Он протянул руку, чтобы принять дар, но Тралл не торопился отдавать его.

– Этот топор сразил Маннорота, – повторил орк, – но он также забрал жизнь благородного полубога Кенария, давшего знания первым смертным друидам. Как и любое оружие, его можно использовать во благо или творить им зло. Я поручаю тебе, Гаррош, взять лучшее от своего отца. Используй это оружие мудро и добро во благо своего народа. Для меня честь приветствовать тебя дома. Прими любовь и благодарность тех, кому ты служил потом, кровью, и духом.

Гаррош взял топор и взвесил его в руке. Затем он размахнулся им, словно был рожден для этого – и Кэрн подумал, что, возможно, так оно и было. Топор выл и визжал, разрезая воздух, как и раньше. Ему было суждено вновь разить врагов Орды. Гаррош поднял топор высоко над головой, и снова хор радостных возгласов разнесся по Аллее Мудрости.

На секунду Гаррош прикрыл глаза, буквально купаясь в их обожании. Кэрн ни на секунду не сомневался, что Гаррош заслужил такое отношение, но таурен считал, что немного скромности и благодарности за оружие и почести ему бы не помешали.

– Ветераны, этой ночью таверны открыты для вас. Ешьте, пейте, пойте песни о своих славных подвигах. Но помните, что жители Оргриммара – это те, кому вы служили, а не те, с кем вы сражались, – Тралл позволил себе улыбнуться. – А то под властью хмеля можно перестать отличать одних от других.

В толпе послышались добродушные смешки. Этого Кэрн как раз ожидал. Тралл договорился с хозяевами всех таверн и трактиров, что заплатит за помещения, еду и напитки за весь день, однако за своими посетителями трактирщики должны были следить сами. Орда отказалась возмещать ущерб за сломанные столы и стулья, а на таких пирушках они всегда ломались. А еще ломались чьи-то носы, но все это было неотъемлемой частью празднования. Кэрн даже во времена своей тауренской молодости никогда не участвовал в таких кутежах и не одобрял их, но, когда Тралл предложил устроить пир, он не возражал.

Тралл махнул рукой, после чего несколько ящеров и кодо вытащили вперед тележки, накрытые тяжелыми покрывалами. Когда Тралл кивнул, к тележкам подошли орки и на счет «три» сорвали покрывала. Под ними оказалось несколь-

ко дюжин бочонков крепкого пива.

– Да начнется пир! – прогремел Тралл под неистовые вопли и аплодисменты.

Парад официально завершился, и ветераны нетерпеливо двинулись к бочонкам, начав, несомненно, долгую ночь, которая закончится, скорее всего, тяжелым похмельным утром. Кэрн зашагал ко входу в крепость Громмаш, остановившись лишь на секунду, чтобы посмотреть на упомянутые Траллом череп и броню.

Броня была накрепко прикована к огромному мертвому дереву, стоявшему у всех на виду. Череп великого властителя демонов, расположенный на верху кроны, побелел под лучами солнца. Длинные клыки из бледной кости и латный доспех были колоссальных размеров, их не мог поднять никто: ни самый могучий орк, ни тролль, ни таурен. Кэрн несколько секунд смотрел на него, думая о Громе, благодаря его дух за ту жертву, что освободила орков.

Издав долгий вздох, Кэрн повернулся и, тяжело ступая, вошел внутрь. Имея на это право, он привел с собой свиту. Среди своих воинов он выбрал нескольких, которым досталась честь оказаться вечером на пиру. Обычно таурена также сопровождал его сын, Бейн, но на этот раз он предпочел остаться дома, в Мулгоре.

«Для меня большая честь, что ты просишь меня присоединиться к тебе на таком торжестве, – написал Бейн, – но еще большая честь – присматривать за нашим народом, что-

бы он оставался в безопасности, пока ты, его лидер, наконец не вернешься домой».

Такой ответ порадовал Кэрна, хотя и не удивил. Бейн поступил так же, как сделал бы его отец, окажись он в подобной ситуации. И хотя он бы обрадовался, окажись сын рядом с ним, старому воину было спокойнее знать, что в его отсутствие народ тауренов находился под присмотром.

Вместо Бейна с ним шел почтенный верховный друид Хамуул Рунический Тотем, хороший друг Кэрна и его верный советник. Также здесь присутствовали члены нескольких отдельных тауренских племен, таких как Рассветные Странники, Яростный Тотем – племя воинов, отправивших нескольких своих гордых сынов и дочерей в Нордскол сражаться вместе с Гаррошем, – Небесные Преследователи, Зимнее Копыто и Громовой Рог. Исходя скорее из соображений политики, чем из личных побуждений, он также пригласил матриарха племени Зловещий Тотем – Магату.

Зловещий Тотем было единственным из тауренских племен, не признавших себя частью Орды. Несмотря на это, Магата жила на Громовом Утесе, и ее племя пользовалось всеми правами тауренов. Магата была могущественной шаманкой, вставшей во главе Зловещего Тотема после того, как ее партнер трагически погиб из-за несчастного случая. Ходили слухи, что его смерть была не такой уж и случайной. Кэрн и Магата не раз сталкивались лбами. Старый таурен всегда старался, чтобы шаманка чувствовала себя на Громо-

вом Утесе как дома. А еще он приглашал ее на важные мероприятия, вроде этого, ибо Кэрн твердо следовал старой поговорке: «Друзей держи близко, а врагов – еще ближе». Магата никогда не выступала против него открыто, и вряд ли когда-нибудь посмела бы. Она могла спокойно плести интриги в тени, но Кэрн, в конце концов, считал ее трусихой. Ничего, что Магата, руководя собственным племенем, тешит себя иллюзией могущества. Ведь именно он, Кэрн Кровавое Копыто, был истинным вождем тауренского народа.

Тралл занял свое место на огромном троне, откуда он мог наблюдать за каждым уголком необъятного зала, постепенно заполнявшегося гостями. Жаровни, обычно полыхавшие по обе стороны от трона, были потушены. Сейчас перед ними возвышались два украшенных кресла поменьше, которые установили здесь специально по такому случаю. По просьбе Тралла Кэрн и Гаррош заняли эти места. Гаррош – герой дня – сел по правую руку от Тралла. В разных частях зала безмолвно, не мешая гостям, стояли кор’кронские стражи – телохранители Тралла.

Тралл следил за реакцией Кэрна и Гарроша. Таурен слегка заерзал в кресле – он оказался слишком велик для него. Тралл поморщился. Орки-плотники очень старались учесть особенности тауренского телосложения, когда вытаскивали кресло, но, очевидно, не справились с задачей. Старый бык, глядя на свою рассаживавшуюся свиту, испытывал неимо-

верную гордость. Как и Тралл, он знал, сколько они отдали и сколько навсегда потеряли из-за этой войны.

Верховный вождь тауренов старел, и годы начинали брать свое. Тралл слышал о том, как Кэрн сражался, когда его отряд попал в окружение, как он снова и снова возвращался, чтобы перетащить раненых в безопасное место. Это не удивляло Тралла. Он хорошо знал Кэрна – его отвагу, его большое сердце и отзывчивую натуру. Удивило же вождя то, сколько ран таурен получил в бою, и как медленно он от них оправлялся.

Сердце Тралла внезапно сжалось. Он потерял так много тех, кто был ему дорог: Тарету Фокстон – человеческую девушку, показавшую ему, что добрая дружба между их народами возможна; Грома Адского Крика, который так много рассказал ему о том, что значит быть орком. Возможно, скоро к ним присоединится Дрек’Тар, который, если верить ухаживавшему за ним орку, становился все слабее, и чей разум постепенно угасал... Мысль о том, что ему придется попрощаться и с Кэрном, который многие годы был рядом, причиняла Траллу боль.

Он повернулся к Гаррошу. Положив Кровавый Вой на колени, юный Адский Крик ел, пил и хрипло смеялся, целиком и полностью наслаждаясь моментом. Но и он иногда останавливался, чтобы с расправившей его гордостью посмотреть на собравшихся сияющими глазами. Тралл заметил, с каким воодушевлением население Оргриммара встретило Гарроша.

Даже им, Траллом, не восторгались так сильно ни на одном торжестве. «Так и должно быть», – подумал вождь. Народ Орды не всегда одобрял его решения, но вождь знал, что правит ими справедливо, и они уважали его. Гаррош же смаковал лишь одобрение и любовь своего народа.

Гаррош поймал на себе взгляд Тралла и улыбнулся.

– Мне здесь нравится, – проговорил он.

– Нравится получать заслуженные похвалы? – уточнил Тралл.

– Конечно. Но еще я рад видеть свой народ. Видеть, что он, как и я, вспомнил, что значит быть орками. Вести праведный бой, побеждать своих врагов и праздновать победу с тем же запалом, который позволил ее одержать.

– Орду составляют отнюдь не только орки, Гаррош, – напомнил ему Тралл.

– Да. Но мы – ее ядро. Ее сердце. И если мы будем твердо держаться этого, то твоя Орда одержит еще больше побед, вождь. Ты увидишь нечто большее. Ты увидишь, как их будет распирать гордость от осознания того, кто они. И наш боевой клич «За Орду!» будет исходить не только из их уст, но из самых сердец.

Остальные гости, кроме Тралла, Гарроша и Кэрна, сидели на расстеленных на полу толстых мягких шкурах. Все три народа привыкли находиться близко к природе, и зал нагревался огнем, светильниками и теплом тел. Тралл заметил, что только Магата и члены ее Зловещего Тотема казались недо-

вольными. Остальные устроились поудобнее. Они счастливо пировали и просто радовались тому, что остались в живых после стольких сражений, лишений и боли.

Все проходило согласно определенной церемонии, хотя Тралл хорошо знал, что люди или эльфы ее бы не поняли. Слуги вынесли громадные блюда, на которых возвышались горы кушаний. Яства, простые, но питательные, ели руками. Здесь нашлись и кабаньи ребра, маринованные в пиве, и жареная медвежатина с олениной, и бедро жевры на вертеле, и мягкий хлеб, чтобы макать его в сочную подливку, и пиво, вино и ром, чтобы все это запивать. Гости ели, пили, и крепость Громмаш наполнялась смехом и весельем. Наконец, слуги убрали опустевшие подносы, и, насытившись, собравшиеся обратили все внимание на своего вождя.

«Итак, – подумал Тралл, – начинается менее радостная часть нашего собрания».

– Мы рады и благодарны тому, что так много наших отважных воинов вернулись домой в целости и сохранности, готовые своими силами и знаниями служить Орде здесь, – начал Тралл. – Мы по праву воздаем честь и славу их подвигам. Но война дается немалой ценой. Ценой жизнью павших, и ценой ресурсов, необходимых для содержания воюющих солдат. Из-за необычного шторма на море, уничтожившего несколько наших судов, мы потеряли и солдат, и столь ценные для нас припасы. Этот шторм не просто забрал у нас бесценные жизни и вещи. Необычная природа этого явле-

ния – уже не первая замеченная нами. Со всего Калимдора и из Восточных королевств до меня доходят сведения о похожих феноменах. Не нужно напоминать тем, кто, как и я, зовет Орgrimmar домом, о недавней опустошительной засухе. И иногда мы чувствуем, как сама земля дрожит под нашими ногами. Я поговорил со многими из моих самых верных шаманов, и с членами Служителей Земли, – он снова почувствовал боль при мысли об одном из самых близких ему шаманов, чей рассудок стал не надежнее разума маленького ребенка.

«Дрек'Тар, никогда прежде я так не нуждался в твоей мудрости, но тебе уже слишком поздно делиться ею со мной».

– Мы делаем все возможное, чтобы выяснить, тревожат ли что-то стихии, или это всего-навсего шутки природы, проходящей через самый обыкновенный цикл, – продолжал Траалл.

– Обыкновенный? – прозвучал хриплый голос из глубины толпы. Траалл не видел говорившего, но, судя по голосу, он был орком. – Засухи в одних местах, потопаы в других, землетрясения – это разве обыкновенное дело?

– У природы свои ритмы и причины для них, – невозмутимо ответил Траалл. Он приветствовал возражения. Они держали вождя начеку, делали его ближе к народу и зачастую заставляли его рассматривать проблемы с ранее немислимых точек зрения. – Природа не будет подстраиваться под нас. Это мы должны измениться, чтобы приспособиться к ней.

Огонь может уничтожить город, но на пепелище часто вырастают и расцветают разные новые растения. Огонь выжигает заразу и вредных насекомых. Он возвращает земле плодородие. Наводнения приносят новые ископаемые в места, где их раньше никогда не было. Что же касается землетрясений, ну... – он улыбнулся. – Неужели Мать-Земля не может иногда поворчать?

Раздался хохот, и Тралл почувствовал, как настроение толпы переменилось. Он сам точно не знал, были ли замеченные происшествия в порядке вещей. Более того, он начинал постепенно улавливать связь между ними, и из этого следовало нечто совершенно обратное. Стихии вели себя... хаотично, тревожно. Они не говорили с ним так же ясно, как обычно, и Тралла это беспокоило. Но пока не было необходимости давать его народу повод для волнения. Когда будет нужно, они обо всем узнают. Возможно, он сам не услышал стихии так, как должен был, потому что стал слишком невнимателен. И, предкам известно, у вождя Орды было много забот, занимавших все его внимание.

– Земли Дуротара, нового дома орков, действительно негостеприимны. Но нам это не в новинку. Эти места всегда были малопригодны для жизни. Но мы – орки, и эта земля нам подходит. Она нам подходит именно потому, что она негостеприимная, именно потому, что жестокая, и именно потому, что кроме орков мало кто смог бы здесь жить. Мы пришли в этот мир из Дренора, когда магия чернокнижни-

ков вытянула из него всю жизнь. И мы могли поступить так же с этим миром. Когда я возрождал Орду, воистину, я мог бы выбрать более плодородную землю. Но я этого не сделал.

По залу прокатился ропот. Кэрн, прищурившись, смотрел на вождя, не понимая, зачем Тралл решил напомнить народу о том, что жить на просторах Дуротара непросто. Тот едва заметро кивнул старому другу, без слов говоря ему, что все в порядке.

– Я не сделал этого, потому что мы принесли зло этому миру. И все же мы оказались здесь. У нас оставалось право на жизнь. Право на родину. Я выбрал место, которое мы могли сделать своим. Место, которое бы требовало от нас полной отдачи. Во многом именно жизнь здесь позволила нам очиститься от проклятья, столь навредившего нам как народу. Эта жизнь сделала нас сильнее, крепче. В более мягких условиях мы никогда не смогли бы стать настоящими орками.

Кэрн расслабился, когда тон ропота толпы сменился на одобрителный.

– Я считаю, что выбрал правильно. Я хорошо знаю, что отдали сыны и дочери Дуротара в Нордсколе. Но мы взяли многое и от нашей земли. Никто не ожидал, что для кампании в Нордсколе потребуется так много ресурсов. Но разве мы могли не принять этот вызов?

Никто не ответил. Ни один из присутствующих не посмел бы не принять тот вызов, какой бы ни оказалась цена.

– И посему наша земля дала нам ресурсы, дала столько, что чуть не иссякла. Война на Севере закончилась. Теперь мы должны обратить наш взор на собственные земли, на собственные потребности. К несчастью, последствия событий у Врат Гнева таковы, что у Альянса появилась новая причина выступить против нас. Я понимаю, что для кого-то это ничего не значит, в то время как другие рады такому повороту. Но уверяю вас, никто не рад тому, что ночные эльфы на время закрыли для нас все торговые пути.

Все присутствующие знали, что это означало. Больше никакой древесины для строительства, запрет на охоту в Ясеновом лесу, да и перемещаться там, где ходили патрули, теперь станет небезопасно. На мгновение повисла тишина, а затем послышался озабоченный ропот.

– Вождь, если позволишь.

Это заговорил Кэрн своим спокойным, размеренным голосом. Тралл улыбнулся старому другу:

– Пожалуйста. Я всегда рад твоему совету.

– Мой народ связан с ночными эльфами так, как никакой другой народ Орды, – начал Кэрн. – Мы, как и они, следуем учению Кенария. У нас даже есть общее святилище, Лунная поляна, где мы мирно встречаемся, общаемся, делимся полученными знаниями и мудростью. И несмотря на то что ночные эльфы рассержены на Орду, я не думаю, что они порвут с нами все связи. Мне кажется, друиды станут хорошими посланниками и смогут начать переговоры. Верхов-

ный друид Хамуул Рунический Тотем знает многих из калдорай, – он кивнул верховному друиду, поднявшемуся, чтобы сказать свое слово.

– Воистину так, вождь. С некоторыми из них меня связывает многолетняя дружба. Они могут презирать нас, как народ, но им не доставит никакого удовольствия мысль об умирающих от голода детях, даже если то будут дети их якобы врагов. Я занимаю высокое положение в Круге Кенария. Не исключено, что у нас получится возобновить переговоры, особенно если принять во внимание помощь, которую мы получили после подписания договора. С позволения вождя я обращаюсь к ним. Возможно, нам удастся убедить их...

– Убедить их? Договариваться? Агх! – Гаррош плюнул на пол. – Мне стыдно слышать столь малодушные слова от любого члена Орды! То, что произошло у Врат Гнева, обернулось против всех нас, или вы уже забыли Саурфанга Младшего и всех тех, кто пал рядом с ним? Всех тех, кого впоследствии гнусно воскресили, чтобы сражаться против нас? На нас напали, как и на эльфов! У них нет права считать себя более оскорбленными!

– Дерзкий юнец! – прорычал Кэрн, поворачиваясь к Гаррошу. – Ты смеешь использовать имя Саурфанга Младшего в своих целях, и в то же время открыто презираешь мудрость его несчастного отца.

– Я могу не соглашаться с действиями Саурфанга, но это не значит, что я умаляю жертву его сына! – возразил Гар-

рош. – Ты, повидавший на своем долгом, долгом веку столько битв, должен это понимать! Да, мы разошлись с ним во мнениях. Я говорил ему и говорю тебе, вождь Тралл: не будем рыдать и мучиться, как побитые собаки, из-за ранимых чувств бедненьких ночных эльфов. Давайте, пока мои войска не разошлись, двинемся на Ясеновый лес и просто возьмем то, что нам нужно!

Кэрн и Гаррош склонились друг к другу, крича, словно Тралла здесь и не было. Тот сначала позволил им говорить, поскольку хотел понять, как они относятся друг к другу. Но теперь он властно поднял руку и отрезал:

– Все не так просто, Гаррош!

Молодой орк было повернулся, чтобы возразить, но Тралл угрожающе сощурил голубые глаза, и Гаррош закрыл рот, обиженно вернувшись на свое место.

– Верховный воевода Саурфанг это понимает, – продолжил Тралл, – Кэрн, я и Хамуул тоже понимаем это. Ты впервые почувствовал вкус битвы и доказал, что достоин такого благородного поприща, но скоро ты поймешь, что этот мир не делится на черное и белое.

Кэрн откинулся назад в кресле, очевидно, успокоившись, но Тралл видел, что Гаррош продолжал злиться.

«Что ж, по крайней мере, он слушает, а не говорит», – подумал Тралл.

– Вариан Ринн настроен против нашего народа, и он все больше задумывается о войне, – Тралл не добавил «бла-

годаря тебе», поскольку знал, что Гаррош все равно услышит невысказанное вслух. – Джайна Праудмур – его близкий друг, и она поддерживает нас.

– Она все равно остается мразью Альянса!

– Она состоит в Альянсе, да, – согласился Тралл. Его голос стал глубже и громче. – Но любой, кто сражался вместе со мной, или кто удосужился прочитать хоть один летописный свиток за последние несколько лет, знает, что она мудрый и преданный своим принципам человек. Ты считаешь Кэрна Кровавое Копыто предателем?

Перемена в направлении разговора застала Гарроша врасплох. Он быстро посмотрел на Кэрна, который выпрямился и усмехнулся.

– Я... Конечно, нет. Никто в этом зале не усомнится в его преданности и в его заслугах перед Ордой, – с подозрением произнес орк, ожидая подвоха. Тралл кивнул. Хотя Гаррош говорил настороженно, его слова звучали искренне.

– Только глупец мог бы такое подумать. Верность Джайны Альянсу не исключает ее стремление к миру и процветанию для всех живущих в Азероте. Равно как и верность Кэрна Орде. Он высказал здравое предложение. Оно недорого нам стоит и многое может дать. Если ночные эльфы согласятся на переговоры – отлично. Если нет – мы пойдем другим путем.

Кэрн посмотрел на Хамуула, который кивнул и произнес:

– Благодарю тебя, вождь. Я глубоко убежден, что это верный путь. Он позволит нам воздать почести встревоженной

Матери-Земле и добыть все необходимое, чтобы Орда оправилась от последствий этой ужасной войны.

– Как и всегда, мой друг, я благодарю тебя за службу, – Тралл повернулся к Адскому Крику. – Гаррош, ты сын того, кто был мне очень дорог. Я слышал, как тебя зовут Героем Нордскола, и, думаю, этот титул тебе подходит. Но я на личном опыте познал, как трудно воину найти свое место в этом мире после войны. Я, Тралл, сын Дуротана и Дреки, даю тебе слово, что вместе мы найдем для тебя подходящее место, где твои навыки и умения послужат Орде наилучшим образом.

Он сказал то, что думал. Тралл действительно восхищался достижениями Гарроша в Нордсколе. Но у этих талантов было очень ограниченное применение, и Траллу требовалось время, чтобы решить, где Гаррош сможет лучше проявить себя и принести пользу Орде.

Но Гаррош, по-видимому, не понял намерений Тралла. Его глаза сузились, и орк тихонько зарычал.

– Конечно, раз такова воля вождя. Если позволишь, великий Тралл, я пойду – здесь душновато.

Не дожидаясь ответа на свою саркастическую просьбу, Гаррош встал, а потом, едва помня о вежливости, коротко склонил перед Траллом голову и устремился прочь.

– Этот юнец ведет себя как необузданный кодо, – пробормотал Кэрн.

Тралл вздохнул.

– Но он слишком дорог нам, чтобы махнуть на него ру-

кой. – Вождь поднял руку и, повысив голос, объявил: – Здесь действительно душно. Больше выпивки, чтобы смочить пересохшие глотки!

Послышались радостные возгласы, и гости тут же переключились на напитки. Тралл подумал о словах Кэрна и о своих собственных. Он понятия не имел, каким образом можно приручить дикого кодо, не сломив его волю.

Но вопрос о том, где найти Гаррошу место в Орде, не являлся для Тралла первостепенным, хотя и стоял для вождя остро. На первом месте для него находилось благо народа, всей Орды, и больше всего Тралла беспокоило возмущение стихий. Его народ требовал больше древесины, чтобы строить дома, но, казалось, словно сам мир рассердился на них.

Он сказал правду – Тралл выбрал Дуротар, потому что тот дал его народу возможность искупить вину за причиненное ими зло, и потому что жизнь здесь сделала их крепче и сильнее. Но он вовсе не ожидал, что пересохнут реки, и что вся древесина, которой и так было мало, пойдет на военные нужды. Война была необходима, но она же сильно навредила им.

«Нет», – подумал Тралл, потягивая пиво из кружки. Укрощение единственного непослушного кодо волновало его сейчас в последнюю очередь.

Глава пятая

Гаррош с наслаждением вдыхал ночной воздух. Даже после захода солнца он был сухим и теплым, совершенно непохожим на холодный, влажный воздух Нордскола. Но теперь дом Гарроша был здесь, а не в Боре́йской тундре, и не в Награнде на Дреноре. Сухая, негостеприимная земля, названная в честь Дуротана, отца Тралла, и город, названный в честь Оргрима Молота Рока. Несколько секунд орк размышлял об этом, и его ноздри раздулись от досады. Единственное, что назвали в его честь, так это узенькую полоску берега, на которой постоянно ошивались лжепризраки.

Гаррош остановился под черепом и броней Маннорота и почувствовал, как напряжение потихоньку покидает его. Он испытывал чувство гордости, глядя на достижение своего отца. Гаррош был рад тому, что теперь мог не стыдиться своего происхождения, но ему хотелось пройти свой собственный путь, а не оставаться в тени свершений своего родителя.

Кровавый Вой, теперь принадлежавший ему, висел за спиной. Орк потянулся за ним, и коричневые пальцы Гарроша сомкнулись на древке оружия, сразившего величайшего врага его народа.

– Твой отец оказался тем, кто был нужен Орде в ее темный час, – произнес сиплый, глубокий женский голос за его спиной. Гаррош повернулся и увидел пожилую тауренку. Он присмотрелся. У нее была темная шерсть, и в свете звезд Гаррош мог различить лишь их отблеск в ее пристальном взгляде и четыре полосы белой краски на ее морде. Когда его глаза привыкли к темноте, орк заметил, что на ней были шаманские церемониальные одеяния.

– Спасибо тебе, эмм?.. – Гаррош дал ей возможность представиться. Она улыбнулась.

– Я – Мудрая старица Магата из племени Зловещий Тотем, – произнесла его собеседница.

Зловещий Тотем. Это название он уже слышал.

– Любопытно. Ты говоришь о том, что нужно Орде, но твое тауренское племя – единственное, которое отказалось в нее вступить.

Она мягко и на удивление мелодично рассмеялась.

– Зловещий Тотем принимает решения, какие захочет и когда захочет. Быть может, мы не присоединились к Орде, потому что пока у нас не было на то веской причины.

Гаррош принял это за оскорбление.

– Что? Это – не веская причина? – Он ткнул толстым ко-

ричевым пальцем в череп и броню властителя преисподней. – Наша война против Пылающего Легиона была недостаточно веской причиной? И наступления армии Песни Войны было недостаточно, чтобы угодить великому Зловещему Тотему?

Тауренка спокойно смотрела на орка, ни капли не рассерженная его тирадой.

– Нет, – мягко произнесла она. – Ничто из этого мне не в угоду. Но рассказы о твоих подвигах в Нордсколе... Что ж, воистину, то деяния настоящего героя. Зловещий Тотем наблюдает. И ждет. Мы знаем, что такое сила, и хитрость, и честь. Быть может ты, Гаррош Адский Крик, как и твой отец, именно тот, кто нужен Орде в ее темный час. И когда Орда сама, наконец, это поймет, думаю, ты сможешь рассчитывать на поддержку Зловещего Тотема.

Гаррош не до конца понимал, на что намекает Магата, но одно было ясно: ей понравились услышанные в зале слова. А это могло значить, что она одобряла его стремление разрешить вопрос силой. Что ж, неплохо. Возможно, хоть кто-то здесь начнет наконец действовать.

– Благодарю тебя, Мудрая старлица. Я ценю то, что ты сказала, и, надеюсь, что вскоре буду достоин большего, нежели просто слова поддержки.

Гаррош уже лихорадочно обдумывал способы обойти миролюбивого Тралла и брюзгливого старика Кэрна и дать Орде то, в чем она нуждалась. Сложность заключалась в том,

чтобы не выйти за границы дозволенного.

Пришла пора забыть про осторожность. Пришла пора действовать решительно. Они все поймут, когда увидят результаты его действий.

Несмотря на то что празднование затянулось допоздна и Кэрну, как почетному гостю, пришлось досидеть до конца, он и его свита встали и собрались еще до восхода солнца. Таурену не терпелось вернуться домой. Бойцы, посланные им на Нордскол в то время, когда Тралл призвал всех к оружию, были воистину яростными воинами и хорошо проявили себя. Но даже эти ветераны устали от кровопролития и необходимости ежедневно и еженощно терпеть лишения. Когда-то таурены были кочевым народом, но теперь они нашли себе дом в Мулгоре и очень им дорожили. Наконец, сегодня они двинулись в последний поход на пути к своим покатым холмам, гордым скалам и оставшимся там близким.

Они пошли пешком, чтобы еще какое-то время побыть в компании друг друга. Дорога была им не в тягость. Когда рассвет еще только занимался, и воины Орды либо отсыпались после пирушки, либо расплачивались за нее головной болью, таурены уже вышли из Дуротара и направлялись к Северным степям. Кэрн отправил Перита Штормовое Копыто вперед отряда, чтобы предупредить Бейна об их приближении. Перит был одним из немногих разведчиков и посланников, которых называли скороходами. Они подчинялись толь-

ко Кэрну, и вождь доверял им самые важные сведения и до- несения. Даже Тралл не знал всего, чем делился Кэрн со скороходами. Но это задание было не таким уж важным. От него не зависели ничьи жизни. Тем не менее глаза Перита радостно заблестели, когда он получил приказ, и таурен в стремительном темпе зашагал прочь.

Поздним вечером солнце протянуло свои теплые золотистые лучи над равнинами Мулгора. Перит встретил их у развилки дороги, ведущей к лагерю Нараче и деревне Кровавого Копыта. Когда они медленно направились домой, скороход зашагал рядом с Кэрном.

– Я передал Бейну все, что ты просил, – доложил разведчик. – Он уверяет, что все будет готово.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Кэрн. – Торговцы во всех деревнях должны быть готовы к тому, что к ним нагрянут путники. Я не позволю никому из моих людей сегодня голодать.

– Думаю, то, что задумал Бейн, покажется тебе... приемлемым, – Кэрн с интересом посмотрел на Перита. В ту же секунду прогремел сигнальный рог. К ним стремительно приближались несколько кодо. Стареющие глаза Кэрна не могли различить, кто ехал верхом на громадных зверях, но даже его уши уловили радостные крики детей. Они хаотично поскатывались с кодо, крича, смеясь и бросая в приближавшихся героев цветы и пучки трав.

– Добро пожаловать домой, отец, – произнес Бейн Кро-

вавое Копыто. Кэрн повернулся на звук знакомого голоса, прищурился и улыбнулся, различив очертания сына на спине одного из огромных животных.

На глаза старого быка навернулись слезы. Именно так и нужно было возвращаться домой – под радостные крики детишек и родных с дарами природы. Проще, лучше... по-тауренски.

– Ты молодец, сын мой, – улыбнулся Кэрн, усилием воли не давая чувствам проступить в его голосе. – Молодец.

Бейн, обычно такой же спокойный и невозмутимый, как и отец, сейчас из-за возвращения Кэрна сиял от радости. Он с легкостью прыгнул на землю и подошел к отцу. Они тепло обнялись, а затем пошли рядом, отделившись от прочих путников, продолжавших весело встречать своих родных.

– Скоро подойдут остальные, – произнес Бейн, с улыбкой глядя на нескольких воинов, свернувших на дорогу к юго-западу. Эти счастливчики уже добрались до дома. – Все, кто желает поприветствовать тебя, растянулись вдоль дороги домой.

– Они – улада для усталых глаз, – проговорил Кэрн. – Все ли у них хорошо?

– Будет лучше, когда ветераны войны вернутся домой, – вздохнул Бейн. – Как прошло празднование в Оргриммаре?

– Как и планировалось, – ответил Кэрн. – Очень по-орочьи. Много оружия, угощения и криков. Впрочем, наших тауренов вниманием не обошли.

Бейн кивнул:

– Тралл никогда бы так не поступил.

Кэрн повернул голову, оглянувшись через плечо, а затем, понизив голос, продолжил:

– Он – никогда. Тралл слишком мудр, и у него доброе сердце. Я возвращаюсь домой с важным для Орды заданием, которое под силу лишь нам.

Кэрн негромко изложил Бейну предложение Хамуула. Тот внимательно слушал, изредка кивая. Его уши слегка подрагивали.

– Это хорошо, – наконец заключил молодой таурен. – Хотя я и сам воин, но говорю тебе, отец, наш народ устал. Если Хамуул считает, что эти переговоры могут помочь, тогда я с тобой. Я целиком и полностью поддержу их.

Не в первый раз Кэрн мысленно поблагодарил Мать-Землю и свою спутницу жизни, Тамаалу, за то, что они подарили ему такого замечательного сына. И хотя Тамаала много лет назад ушла в мир духов, она продолжала жить в их ребенке. Бейн был надеждой и опорой своего отца. В нем сочетались духовность, внимательность и доброе сердце матери, а также спокойствие и, как нехотя признавал Кэрн, упрямство отца. Вождь ни секунды не сомневался, оставляя Мулгор в умелых руках сына. Он задумался, каково же Траллу без спутницы жизни и без наследника. Мать-Земля, да даже у Грома был сын! Возможно, теперь, когда война закончилась, Тралл, наконец, сможет задуматься о том, чтобы найти себе супругу

и обзавестись потомством.

– И как в мое отсутствие себя вела наша любимая шаманка?

– Неплохо, – усмехнулся Бейн. Они имели в виду Магату. – Я за ней наблюдал. Это было подходящее время, чтобы устроить нам неприятности, но она ничего не предприняла.

Кэрн тяжело вздохнул.

– Быть может, предприняла. У юного Гарроша Адского Крика буйная голова, и я видел, как она втихаря беседовала с ним.

– Я слышал, он превосходный воин, – медленно произнес Бейн. – Но... – тут его рот растянулся в улыбке, – очень буйный.

Оба Кровавых Копыта улыбнулись друг другу. Кэрн хлопнул Бейна рукой по плечу и крепко сжал его. Бейн тут же положил свою руку поверх плеча отца.

Впереди, на фоне вечернего неба величественно возвышался Громовой Утес.

– Добро пожаловать домой, отец. Добро пожаловать домой.

Глава шестая

День выдался прохладный и немного пасмурный. Джайна Праудмур как раз поднималась к величественному собору Штормграда по ступеням, покрытым голубыми с золотом коврами, когда пошел дождь. В некоторых местах ступени, разрушенные в ходе Войны против Кошмара, все еще были сломаны, и от дождя они становились скользкими.

Джайна не стала натягивать на свои сияющие золотистые волосы капюшон. Вместо этого она позволила каплям свободно падать ей на голову и на лицо. Казалось, будто само небо плачет от мысли о готовящейся в соборе церемонии.

У входа две юные жрицы улыбнулись и учтиво поклонились женщине.

– Леди Джайна, – слегка запинаясь произнесла стоявшая справа девочка-человек. На ее смуглой коже показался румянец. – Нас не предупреждали, что вы придете. Вы желаете сидеть рядом с его величеством? Уверена, он будет рад, если

вы составите ему компанию.

Джайна одарила девочку своей самой обезоруживающей улыбкой.

– Благодарю, но нет, я с радостью сяду вместе со всеми.

– Тогда вот, – жрица-дворфийка протянула ей незажженную свечу. – Пожалуйста, возьмите ее, миледи, и садитесь, куда пожелаете. Мы рады, что вы с нами.

Ее улыбка была искренней, но сдержанной, из-за скорбности момента. Джайна взяла свечу, зашла внутрь и опустила горсть золотых монет на тарелку для пожертвований, стоявшую рядом со жрицами.

Она глубоко вдохнула. Из-за влажности запахи благово- ний ощущались сильнее обычного, и внутри собора Света было так темно, как никогда раньше на памяти Джайны. Горевшие свечи чадили. Джайна окинула взглядом ряды скамеек и не сразу нашла свободное место. На мгновение она подумала, что, возможно, зря отказалась от предложения юных жриц. А вот и свободная скамья! Волшебница прошла дальше по нефу и кивнула пожилой паре дворфов, подвинувшихся, чтобы дать ей присесть. Отсюда открывался замечательный вид. Джайна улыбнулась, увидев знакомые силуэты короля Вариана Ринна и его сына, Андуина, постаравшихся незаметно выйти из соседнего помещения.

Хотя «незаметно» у Вариана никогда не получалось. Не зря же более года назад, когда орк Регар Гнев Земли нашел его, бесчувственного и почти утонувшего, он решил, что из

человека получится отличный гладиатор. Не помня о своем прошлом, Вариан хорошо приспособился к новой жестокой жизни. Тогда он не знал, что на самом деле его разделили на два отдельных существа. Один – Вариан – был заколдован драконом Ониксией, а второй – Ло’Гош – стал грозным и могучим гладиатором. Вариану достались манеры, знания и такт подлинного короля, а Ло’Гошу – «Призрачному Волку» на языке таурахэ, почитаемому и свирепому легендарному существу – все боевые навыки настоящего Вариана. Вариан был изящен, а Ло’Гош – резок. Вариан был хорошо воспитан, а Ло’Гош – груб.

В итоге две половины смогли воссоединиться, хотя и не до конца. Иногда казалось, что Ло’Гош брал верх в этом высоком, крепко сложенном теле. Сегодня стянутая в пучок темно-коричневая копна волос и жуткий шрам, проходивший через все некогда красивое лицо короля Вариана Ринна, притягивали взгляды собравшихся больше, чем обычно.

Андуин был полной противоположностью отца. Бледный и светловолосый, он стал тоньше и немного выше с тех пор, как Джайна видела его в последний раз. Ему было все еще далеко до внушительного роста отца – Джайна считала, что мальчик пойдет в свою стройную матушку и никогда не станет таким же высоким и широкоплечим, как Вариан. Но принц был уже не ребенком, а молодым человеком. Андуин обменялся теплыми приветствиями с братом Сарно и юным Томасом, а затем вместе с отцом занял свое место. Словно

почувствовав, что на него смотрят, юноша слегка нахмурился, огляделся и встретился с Джайной взглядом. Он был хорошо обучен всем тонкостям и правилам этикета, которых должны придерживаться принцы, поэтому не улыбнулся ей, но глаза его просияли, и молодой человек слегка склонил голову.

Все перевели взгляд с короля и его сына на архиепископа Бенедикта, вошедшего в зал и медленно направившегося к алтарю. Среднего роста, коренастый, крепкого сложения, он был больше похож на фермера, чем на человека церкви. Прекрасное бело-золотое облачение никогда не сидело на нем так, как нужно, и казалось, что Бенедикт находится не на своем месте. Но как только он заговорил и его голос, ясный и спокойный, разнесся по собору, всем стало очевидно, что архиепископ действительно избран Светом.

– Дорогие друзья Света, я рад приветствовать всех вас в этом прекрасном соборе, двери которого всегда открыты для смиренных духом, приходящих сюда с открытым сердцем. Это место повидало много радостных событий, и много скорбных. Сегодня мы собрались, чтобы почтить память павших, оплакать их, отдать дань уважения их жертве, принесенной во имя нашего Альянса и во имя Азерота.

Джайна опустила взгляд на свои сцепленные руки, лежащие на коленях. Это была одна из причин, по которой ей не хотелось оказаться в соборе у всех на виду. Никто не забывал о ее связи с Артасом Менетилом: ни когда он был прин-

цем, ни тем более когда он стал Королем-личом, ни теперь, когда он, наконец, был повержен. Именно из-за него потребовалась эта скорбная церемония. Несколько человек, узнав Джайну, посмотрели в ее сторону. В их глазах читалось сочувствие.

Не проходило ни дня, чтобы Джайна не вспоминала Артаса. Каждый раз волшебница задавалась вопросом: могла ли она тогда что-то сделать, что-то сказать, чтобы не дать некогда светлому паладину свернуть на столь темную тропу. Эти чувства обратились против нее во время Войны с Кошмаром. Тогда Джайна оказалась пленницей в собственном кошмаре, где она действительно смогла помешать Артасу стать Королем-личом... став при этом Королевой-личом вместо него.

Волшебница содрогнулась, отгоняя мысли о том ужасном сне прочь, и снова сосредоточила внимание на архиепископе.

– ...в ледяном краю на далеком севере, – говорил Бенедикт, – они столкнулись с ужасным противником. Никто не думал, что его армию возможно победить. И все же благодаря Свету и обыкновенному мужеству этих мужчин и женщин – людей, дворфов, ночных эльфов, гномов, дрениев и, да, даже членов Орды – сегодня мы и наша родина снова в безопасности. Число погибших ошеломляет, и каждый день приходят сообщения о новых утратах. Чтобы вы могли осознать наши потери, каждому прихожанину сегодня выдали

одну свечу. Каждая свеча означает не одну, не десять... но сотню солдат Альянса, отдавших свои жизни в боях на Нордсколе.

Джайна уставилась на незажженную свечу и почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Руки внезапно задрожали. Она огляделась... В соборе присутствовало как минимум две сотни людей, и несмотря на то что мест больше не было, Джайна знала, что снаружи собиралось все больше желающих поучаствовать в церемонии поминовения. Двадцать, тридцать... Может, даже сорок или пятьдесят тысяч человек... ушли навсегда. Она на мгновение прикрыла глаза и снова посмотрела на архиепископа, остро чувствуя на себе взгляды переговаривавшейся между собой гномьей пары.

Джайна испытала облегчение, когда у входа в собор раздалась громкие голоса и испуганные вздохи. Она обернулась и увидела двух потрепанных часовых, оживленно объяснявшихся со жрицами. Когда Джайна поднялась и попыталась тихо выйти, она увидела, что Вариан уже двигался в их сторону.

Жрица-человек, очевидно, вопреки желаниям расстроенной жрицы-дворфийки, направила двоих часовых в комнату по левую руку от них, и Джайна поспешила присоединиться к ним. Когда она проходила через приемную, Вариан догнал ее. Времени на формальное приветствие не было, поэтому они просто обменялись взглядами.

Король повернулся к паладинам, которые шли следом.

– Лорд Грейсон, – обратился он к высокому черноволосому мужчине с повязкой на глазу, – распорядитесь принести этим часовым немного еды и напитков.

– Есть, сэр, – кивнул паладин и поспешил сам выполнять приказ. Такова была суть паладинов – даже самая маленькая, самая скромная услуга в помощь другим исходила от Света.

– Пожалуйста, садитесь, – пригласил вновь прибывших Вариан.

Высокая ночная эльфийка с фиолетовой кожей и белыми волосами покачала головой.

– Благодарим вас, ваше величество, но у нас срочное поручение. Мы несем ужасные вести и должны вернуться как можно скорее.

Вариан кивнул, немного напрягаясь.

– Тогда докладывайте.

Эльфийка кивнула.

– Я – часовая Валария Бегущая Река, а это – часовая Айли Шепот Листьев. Мы пришли с донесением о нападениях Орды в Ясеновом лесу. Они нарушили мирный договор.

Джайна и Вариан переглянулись.

– Когда мы подписывали соглашение, то знали, что с обеих сторон будут те, кто попытается его нарушить, – осторожно начала Джайна. – На границах давно происходят...

– Мы не пришли бы сюда из-за небольшой стычки, леди Джайна Праудмур, – холодно прервала ее Валария. – Мы не вчера родились. Драки и перестрелки иногда случаются, но

сейчас речь не об этом. Речь о настоящей бойне. О резне, и это в то время, когда Орда заявляет, что хочет мира!

Джайна и Вариан слушали донесение эльфиек. По ходу развития кровавой истории глаза Джайны все больше расширялись, а у Вариана постепенно сжимались кулаки. Дюжина часовых охраняла проходившую по зеленой чаще Ясеневого леса колонну повозок с собранными травами и минералами, когда она попала в засаду. Никто не выжил. Их гибель обнаружили только через два дня, когда колонна не прибыла в пункт назначения. Повозки со всем содержимым пропали.

Валария остановилась и сделала глубокий вдох, как будто пытаясь успокоиться. Вторая часовая, ее сестра по оружию, шагнула к ней и сжала плечо. Вариан хмурился, но Джайна настаивала на своем.

– Договор действительно нарушен, – признала она, – и потому этот эпизод необходимо довести до сведения Тралла. Но даже если так... Боюсь, я все еще не понимаю, почему вы назвали это бойней, а не обычным происшествием, какие, увы, случаются нередко.

Айли содрогнулась и отвернулась. Джайна переводила взгляд от одной эльфийки к другой. Они были воительницами, сражавшимися, скорее всего, еще задолго до рождения Джайны. Что же их так напугало?

– Вот что я вам скажу, леди Праудмур, – процедила Валария сквозь зубы. – Мы не смогли найти тела погибших.

Джайна сглотнула.

– Почему?

– Потому что кто-то методично разрубил каждое на несколько частей, – проговорила Валария, – а затем эти части растащили падальщики. Причем произошло это, конечно, после того, как с несчастных содрали кожу. Мы не знаем, были они тогда еще живы, или уже нет.

Джайна прикрыла рот рукой. К горлу подкатила тошнота. Случившееся было не просто омерзительно, не просто чудовищно...

– Ошметки их кожи свисали с соседнего дерева, словно тряпки. И на том дереве эльфийской кровью были начертаны знаки Орды.

– Тралл! – взревел Вариан. Он резко повернулся к Джайне, свирепо уставившись на нее. – Это он отдал приказ! А ты не дала мне прикончить его, когда была такая возможность!

– Вариан, – произнесла Джайна, борясь с тошнотой, – я сражалась с ним бок о бок. Я помогала заключать с ним разные договоры, и он всегда соблюдал их. Вообще все это на него совсем не похоже. У нас нет доказательств тому, что именно он приказал напасть и...

– Нет доказательств? Джайна, там были орки! Он сам орк, и он руководит этой проклятой Ордой!

Джайна наконец успокоилась. Она знала, что права.

– А Братство Справедливости – люди, – очень тихо напомнила Джайна. – Должны ли мы спрашивать с тебя за их преступления?

Вариан дернулся, словно от удара. На секунду Джайна подумала, что убедила его. Братство Справедливости было личным врагом Вариана, многое у него отнявшим. Но тут король нахмурился, его лицо исказила ужасающая гримаса, казавшаяся еще страшнее из-за жуткого шрама. Сейчас он не был самим собой.

Он был похож на Ло'Гоша.

– Ты смеешь напоминать мне об этом?

– Смею. Кто-то должен напоминать тебе о самом себе. – Джайна не боролась с гневом Ло'Гоша – холодной, скорой на расправу, жестокой частью Вариана – при помощи собственного гнева. Она боролась с ним расчетливостью, неоднократно спасавшей ее жизнь и жизни других. – Ты правишь королевством Штормград, самым могущественным в Альянсе. Тралл правит Ордой. Ты можешь составлять законы, правила, договоры. И он тоже может. Но ни он, ни ты не в состоянии контролировать действия каждого своего подданного. Это никому не под силу.

Ло'Гош нахмурился.

– Что, если ты ошибаешься, Джайна? И что, если я прав? Ведь раньше ты уже ошибалась в людях, верно?

Теперь уже Джайна застыла, ошарашенная его словами. Он швырнул ей в лицо напоминание об Артасе. Так Ло'Гош и действовал, именно так он побеждал в гладиаторских боях. Он дрался грязно, использовал все средства, какие только мог, лишь бы добиться победы любой ценой. Кошмар снова

всплыл в ее памяти, и она усилием воли отогнала его прочь. Волшебница глубоко вдохнула и собралась.

– Многие из нас хорошо знали Артаса, Вариан. Многие, включая тебя. Вы долгие годы прожили вместе. И ты не знал, в какое чудовище он превратится. Не знал и его отец. Не знал и Утер.

– Нет, я не знал. Но я и не совершу такую ошибку снова, в отличие от тебя. Скажи мне, Джайна, если бы ты знала, во что превратится Артас... ты бы попыталась его остановить? Хватило бы у тебя духу прикончить своего любовничка, или ты бы так же стояла в стороне, любой ценой держась за мир, как сопливая миролюбивая дурочка, которая...

– Отец!

Слово, произнесенное мальчишеским тенором, прозвучало как удар хлыста. Вариан резко обернулся.

В дверях стоял Андуин. Его голубые глаза были широко раскрыты, а кожа казалась бледнее, чем обычно. Но, судя по выражению лица, принц был не просто поражен увиденным, а горько разочарован. На глазах Джайны Вариан изменился. Едва сдерживаемый кипящий гнев Ло'Гоша исчез. Его осанка выпрямилась. Он снова стал Варианом.

– Андуин... – голос Вариана остался тверд, но в нем читались беспокойство и раскаяние.

– Ничего не говори, – с отвращением проговорил Андуин. – Оставайся здесь и... делай, что собирался. А я выйду обратно к людям. Покажу своим королевским присутствием,

что хотя бы кому-то не наплевать на то, что они потеряли. Даже если этот кто-то – всего лишь сопливый миролюбивый дурак.

Андуин развернулся и зашагал к двери. На секунду он остановился и оперся о косяк. Джайна наблюдала за тем, как юноша выпрямился, поправил волосы, взял себя в руки и, будто надев корону, натянул на лицо выражение спокойствия. Как же быстро ему пришлось возмужать! Двое часовых мельком переглянулись. Несколько секунд Вариан не двигался, уставившись в место, где только что стоял его сын. Он глубоко вздохнул.

– Джайна, почему бы тебе тоже не вернуться? – Увидев на ее лице сомнение, король слегка улыбнулся. – Не беспокойся, мы с часовыми обсудим, какие разумные меры можно предпринять.

Волшебница кивнула:

– А потом, когда все закончится... У тебя найдется минутка, чтобы поговорить?

– Конечно, – Вариан снова повернулся к эльфийкам. – Итак, продолжайте. Когда произошло это нападение?

Разговор продолжился уже не на повышенных тонах. Вариан слушал все, что ему говорили, но он не собирался снова впадать в ярость. Джайна повернулась и тихо выскользнула из комнаты. Но волшебница не пошла искать ту же скамью, где сидела раньше. Вместо этого она осталась в задней части собора. Тихо стоя в тени, наблюдая и слушая, Джайна делала

то, что у нее получалось лучше всего – думала.

Глава седьмая

Через час служба завершилась. Джайна не очень-то хотела там присутствовать, но по ходу службы поняла, что должна остаться здесь как минимум ради двух человек.

Одним из них была она сама. В середине проповеди Джайна опустила голову и из ее глаз покатились слезы. Она оплакивала тех, кто отдал все, чтобы противостоять злу. Она оплакивала молодого ревностного паладина, которым когда-то был Артас Менетил. И, скорбя, волшебница почувствовала умиротворение, незнакомое ей до сих пор.

Что же касалось другого человека...

Джайна вернулась в маленькую комнату, где Вариан принимал часовых. Эльфийки уже ушли, но король Штормграда все еще был здесь. Он сидел за небольшим столом, обхватив голову руками. Несмотря на то что волшебница старалась приблизиться тихо, король услышал ее шаги, поднял голову и устало улыбнулся:

– Я сожалею, что сегодня так сильно вышел из себя.

– Правильно сожалеешь.

Он кивнул, признавая ее правоту.

– Я прошу прощения. То, что я сказал, было неуместно и лживо.

Джайна немного смягчилась.

– Твои извинения приняты. Но я не единственная, кто их заслуживает.

Вариан поморщился, но кивнул.

– Я бы предпочел, чтобы Андуин этого не видел. Но что сделано, то сделано.

Джайна опустилась в кресло напротив него и приготовилась слушать.

– Расскажи, что произошло.

Он рассказал. Вариан согласился отправить на место боя в Ясеновом лесу нескольких алхимиков, чтобы помочь ночным эльфам исследовать кровь и остатки одежды. А еще он отправил к Траллу своего представителя, безоружного и наверняка дрожащего от страха, чтобы тот навел справки.

– Ты поступил очень... сдержанно, – отметила Джайна.

– В своих действиях я должен руководствоваться тем, что знаю, а не тем, что подозреваю. Если выяснится, что за этим злодеянием стоит Тралл, можешь не сомневаться, я поведу войска на Оргриммар, и он за все заплатит. И мне плевать, есть у меня на это право или нет. Так будет.

– Если Тралл виноват, я пойду в бой вместе с тобой, – пообещала Джайна. Она была уверена, что это нападение порясет и ужаснет Тралла так же, как Вариана и ее саму. Пусть орк и не был другом Вариана, но Тралл всегда оставался благородным и честным противником. Он бы никогда не дал согласие ни на нарушение договора, ни тем более на такую чудовищную расправу.

– Я хотела поговорить об Андуине, – произнесла волшебница, меняя тему.

Вариан кивнул.

– Андуин – прирожденный дипломат. Он понимал необходимость войны в Нордсколе, но хотел мира тогда и жаждет его сейчас. А я все никак не могу перестать стремиться к войне. Когда я вернулся, все было хорошо, но...

– Ну, он же все-таки подросток, – с улыбкой заметила Джайна.

– Он тяжело принял гибель Болвара. Очень тяжело. – Услышав это имя, женщина поежилась. – Я только сейчас понял, как сильно они сблизились в мое отсутствие. Болвар был Андуину как отец.

– Он... знает? – тихо спросила Джайна.

Вариан покачал головой:

– И я надеюсь, что никогда не узнает.

Когда Король-лич, наконец, оказался сражен, вместе с победой раскрылась ужасная правда. Выяснилось, что Король-лич должен быть всегда, иначе Плеть распространится и будет свирепствовать по всему миру. Кто-то должен был надеть шлем, стать следующим Королем-личом, или все, за что они сражались, пошло бы прахом.

Болвар, ужасно изуродованный спасшим его жизнь драконьим пламенем, похожий на живой уголек и лишь отдаленно напоминавший человека, – именно он взял на себя эту ужасную задачу. И теперь Болвар с короной Короля-лича на голове сидел на вершине мира, навечно обреченный быть тюремщиком нежити. Даже сейчас при мысли о нем на глаза Джайны наворачивались слезы.

– Андуину пришлось нелегко, – хрипло произнесла она. Прочистив горло, волшебница продолжила. – Но его отец – не Болвар, а ты. И я знаю, что принц рад твоему возвращению, но...

– Но он хочет, чтобы вернулся его отец, а не Ло’Гош. Я все прекрасно понимаю. Но Джайна... Иногда я сам не до конца понимаю, где заканчивается одно мое «я» и начинается другое. Я... Я бы не хотел, чтобы мой сын находился рядом, жил со мной, пока я пытаюсь разобраться в себе.

– Я уже думала об этом. И у меня есть идея.

Выходя из собора, Джайна натянула на голову капюшон. Дождь все еще не закончился и даже усилился. Впрочем, он почти не беспокоил волшебницу – жизнь в Тераморе приучила ее ко всякого рода непогоде.

Джайна прибыла в город при помощи телепортации, а не верхом, поэтому она быстро зашагала по мокрым от дождя улицам напрямик к крепости Штурмграда. Дорога была недлинной, но по пути волшебница несколько раз прошлась по лужам, так что к моменту прибытия в крепость она промокла до нитки и дрожала от холода.

Стражники знали Джайну и учтиво кивнули, когда она вошла внутрь. К ней сразу же подошли слуги, предлагая забрать плащ и принести какой-нибудь согревающий напиток. Тепло улыбаясь, волшебница отказалась от обоих предложений и поблагодарила их за заботу. Джайна была здесь частой гостьей, поэтому, когда она передвигалась по замку, ее не спрашивали, куда она направляется.

Волшебница прошла мимо официальной приемной, мимо тронного зала и двинулась туда, где располагались личные покои королевской семьи. Добравшись до цели, она пригладила мокрые волосы и постучала в дверь комнаты Андуина.

Сначала никто не ответил. Она снова постучала и тихо произнесла:

– Андуин? Это я, Джайна.

Она услышала, как принц легкой поступью подошел к двери, и та слегка приоткрылась. Голубые глаза серьезно по-

смотрели сначала на нее, а затем ей за спину.

– Я одна, – заверила его Джайна. Андуин кивнул светло-волосой головой и шагнул назад, пропуская ее.

По мнению Джайны, крепость Штурмграда была достаточно роскошной, хотя она и не могла сравниться с некогда великолепным дворцом Лордерона. Разглядывая скудно обставленную комнату Андуина, Джайна вспомнила, как некогда выглядели покои принца Артаса. Андуин всю свою жизнь был принцем, а в отсутствие Вариана даже на время стал королем, но все же его комната была обставлена просто и без излишеств. Маленькая кровать больше подходила ребенку, чем юноше вроде него.

«Скоро ему понадобится постель побольше», – подумала Джайна, Андуин рос как на дрожжах. Над кроватью не висели узорчатые драпировки, а стены не украшали картины – кроме одной. Это был портрет Андуина и его матушки, королевы Тиффин, написанный, когда принц был еще младенцем. Джайна предположила, что Тиффин умерла вскоре после того, как закончили портрет. Королева погибла от удара камнем, брошенным во время бунта Братства Справедливости. Именно на этот несчастный случай намекала Джайна в разговоре с Варианом, когда пыталась объяснить ему, в каком положении оказался Тралл. Сын Тиффин никогда не знал матери.

У кровати стояли небольшой таз и простая тумба, а на ней – кувшин с водой. Неподалеку находилась потушенная

жаровня, согревавшая комнату зимой. В комнате виднелась еще одна дверь, вероятно, ведущая в гадероб, где хранилась одежда и регалии Андуина. По крайней мере, Джайна думала, что это гардероб, ведь в покоях принца не нашлось даже шкафа. Посреди комнаты рядом с небольшим столом стоял одинокий стул, на столе лежали книги, пергамент, чернильница и перо. Следуя этикету, Андуин пододвинул для Джайны стул, помог ей снять плащ, повесил его, а затем встал рядом, сложив руки. Очевидно, он был все еще зол после недавнего разговора с отцом.

– Ты промокла насквозь, – сухо заметил принц. – Я прикажу, чтобы тебе принесли горячего чая.

– Спасибо. От чая я не откажусь, – улыбнулась ему волшебница.

Андуин ответил тем же, но его улыбка была натянутой и не коснулась глаз. Он потянул за плетеный шнурок у двери.

– Клянусь, когда мы увидимся в следующий раз, ты будешь ростом с отца, – подначила его Джайна, надеясь приподнять ему настроение, и опустила на приготовленный стул.

Юноша слегка поморщился.

– Ты про какую версию моего отца? – Как и подобало принцу, он говорил спокойно, тщательно контролируя тон своего голоса, но в словах Андуина слышалось столько желчи, что Джайна, хорошо его знавшая, вздрогнула.

– Твой отец сожалеет, что ты увидел это, – мягко заметила

она.

– Ну конечно он сожалеет, – таким же спокойным голосом согласился Андуин. – Вот только я за свои годы повидал уже очень многое.

Он стоял прямо, расправив плечи и сцепив руки за спиной. Интересно, его уже просватали? Джайна вдруг поняла, что не знает этого, и надеялась, что нет. Андуин был прав: он действительно многое повидал за свою короткую жизнь, и Джайне хотелось верить, что у него еще осталось хотя бы немного времени, чтобы побыть просто мальчишкой.

– Ой, ну будет тебе, – протянула она, с досадой отмахиваясь. – Хватит меня смущать. Стоишь тут такой, словно древко копыя проглотил. Запрыгивай на кровать и поболтай со мной. Ты же знаешь, я терпеть не могу формальности.

Словно трещина на льду, тающем под первыми весенними лучами солнца, на губах Андуина проступил легкий намек на улыбку. Джайна подмигнула ему, и Андуин улыбнулся – немного смущенно, но все же по-настоящему.

Послышался мягкий стук в дверь. На пороге появился седовласый слуга.

– Ваше высочество, что я могу для вас сделать?

– Заварите чай из мироцвета. Две чашки. Ой, – принц повернулся к Джайне, – ты замерзла? Я могу попросить Уилла разжечь огонь в камине.

Джайна изогнула бровь, и, приподняв руку, махнула в сторону камина, в котором моментально вспыхнул огонь.

– Не стоит, но все равно спасибо.

Увидев демонстрацию ее магии, Андуин рассмеялся.

– Я и забыл. Тогда только чай. А, еще немного хлеба и меда. И даларанского острого сыра. И несколько яблок, – Джайна была тронута. Андуин запомнил, что яблоки и сыр были ее любимыми лакомствами. – Спасибо.

Джайна спрятала улыбку. Мальчик, безусловно, рос. Когда Уилл ушел, Андуин, исполняя ее просьбу, устроился поудобнее на кровати и уставился на волшебницу своими ярко-голубыми глазами, которые видели гораздо больше, чем подозревали взрослые.

– Вот так-то лучше. Я пришла к тебе не нотации читать и не извиняться за твоего отца, – начала Джайна. – Я пришла дать тебе возможность немного повеселиться, если хочешь.

Андуин приподнял золотистую бровь.

– Да ну? По-ве-се-лить-ся? – Он произнес слово нарочито коряво. – А как это вообще делается?

– Как можно чаще. Тебе это точно пойдет на пользу. Твой отец действительно расстроен, что тебе пришлось увидеть такое. Мы с ним немного поговорили, и оба решили, что тебе не помешает иметь возможность время от времени сбегать от всего этого.

Андуин с любопытством взглянул на нее.

– Что именно ты задумала?

– Хочешь как-нибудь приехать ко мне в гости в Терамор?

Андуин был в Тераморе лишь однажды, во время страш-

ной бури. Он должен был присутствовать на мирных переговорах, которые оказались грубо прерваны. Джайна надеялась дать ему новое, более приятное впечатление от этого места.

Но Андуин, очевидно, обладал присущей молодым людям жизнерадостностью, и вместо того, чтобы расстроиться, просиял.

– Снова побывать на границе? Я очень этого хочу! Я тогда почти ничего и не увидел. Там все еще сражаются с драконами?

– Уже нет, – покачала головой Джайна, шутливо вздыхая. – Но я уверена, что там найдется какое-нибудь приключение для тринадцатилетнего парня.

– Мне тринадцать с половиной, – важно поправил ее Андуин. – Почти четырнадцать.

– Признаю, не права.

– Но... Это же очень далеко.

– Не для мага.

– Ну конечно же, нет. Я и не про тебя говорю, тетушка Джайна, а про себя.

Она улыбнулась ему.

– Есть у меня одна штука, которая может сделать путешествие намного легче, – Джайна порылась в прикрепленной к поясу сумке и извлекла оттуда небольшой овальный камушек, покрытый округлыми голубыми рунами. – Вот. Лови!

Джайна бросила камень Андуину, который с легкостью его поймал.

– Красивый, – улыбнулся принц, рассматривая подарок и проводя пальцами по рунам.

– Красивый и очень редкий. Не сжимай его пока так крепко, а то закроешь пальцами письмена. Узнаешь эти руны?

Андуин всмотрелся в надписи.

– Тут твое имя и какое-то слово... «Дом», – наконец прочитал он.

– Все верно. Смотрю, ты продолжаешь делать уроки. Я изготовила его специально для тебя. Еще до... сегодняшнего дня... я думала, что, может, ты захочешь изредка навещать свою старую добрую тетюшку Джайну.

Андуин нахмурился, отбрасывая с лица локон светлых волос.

– Ты не старая, – возразил он.

– Уроки дипломатии ты тоже выучил на отлично, – Джайна широко улыбнулась. – Но ты прав. Это – камень возвращения.

– Но руна же означает «дом».

– Правильно, но «камень дома» звучит убого. А «камень возвращения» – мелодично.

Андуин усмехнулся, вертя камень возвращения в руке, и произнес немного свысока:

– Конечно, девчонки всегда переживают из-за такой ерунды.

– Бывало, что королевства возникали и рушились и из-за меньшего, – заметила Джайна.

– Тоже верно, – согласился он. – Так как же работает этот камень возвращения?

– Сожми его крепче и сосредоточься.

Андуин послушался. Джайна встала и подошла к нему, положив свою ладонь поверх его руки. От неожиданного прикосновения юноша удивленно открыл глаза и увидел, как слабое голубое свечение охватило сначала руку волшебницы, а затем и его.

– Так мы свяжем камень с тобой, – тихо произнесла Джайна. Он кивнул в знак того, что понимает, и снова закрыл глаза. – Сосредоточься. Представь, что камень – это часть тебя. Пусть он станет твоим.

Джайна почувствовала, как что-то перешло от нее к Андуину. Мягко улыбнувшись сама себе, волшебница отпустила его руку.

– Вот так. Теперь он твой.

Андуин снова посмотрел на камень, широко улыбаясь. Юноша явно был восхищен.

– Он ведь полностью волшебный, верно? Это не гномский механизм?

Джайна кивнула.

– И, боюсь, он способен переместить тебя только в Терамор. Уже там мы сможем телепортировать тебя обратно домой.

– Ну да, иначе дворфы с их грифонами, наверное, разорились бы, – произнес Андуин, и в его словах мелькнул из-

редка проявлявшийся прагматизм.

– Только когда будешь использовать его, не забывай про время, – закончила Джайна, поднимаясь. – Камень в буквальном смысле перенесет тебя ко мне домой. Лучше заходи в середине дня.

Андуин, улыбаясь, продолжал смотреть на камень, и Джайна приободрилась. Она определенно поступала правильно. Волшебница протянула к нему руки, и Андуин, соскочив с кровати, обнял ее и положил голову ей на плечо. «Он точно подросток», – подумала женщина, обнимая принца за плечи, которые стали шире, чем она помнила. Этот мальчик в своей жизни прошел через трудности, испытания и утраты. Но он все еще мог смеяться, мог обнимать свою «тетушку», мог радоваться тому, что окажется на границе.

«Свет, пусть он остается мальчишкой немного дольше. Пусть он познает хоть какие-то радости мира прежде, чем ему придется принять на себя взрослые обязанности... снова».

– Ты можешь об этом пожалеть, тетушка Джайна, – проговорил принц, отстраняясь и глядя на нее с серьезным выражением лица. Из-за тона его голоса сердце Джайны екнуло.

– Почему ты так говоришь, Андуин?

– Потому что я, наверное, буду все время ходить к тебе в гости.

С ее плеч словно гора свалилась.

– Думаю, это несчастье я перенесу.

Джайна Праудмур, правительница Терамора и могущественная волшебница, рассмеялась, словно девочка, и потрепала принца Штурмграда по златоволосой голове.

Глава восьмая

В кои-то веки стояла сухая погода, и на небе почти не было туч. Двое орков верхом на волках ехали через Пылевые топи.

Один орк был постарше, другой помоложе, но оба выглядели так, словно уже несколько недель бродили по болоту в своих старых и грязных одеждах. Они были закутаны в не по размеру огромные плащи – мудрая предосторожность в этих обычно дождливых краях. Их волки, правда, вряд ли могли

принадлежать таким незадачливым хозяевам: звери выглядели на удивление холеными и здоровыми. Но и они после многих дней странствий по лужам и трясинам были целиком покрыты грязью.

Их путь завершился у брода, который вел к маленьким островкам под названием Залив Яростных Волн. Всадники слезли с волков и вместе с ними двинулись вплавь. Когда они оказались на противоположном берегу, орки поспешили отойти в сторону от начавших неистово отряхиваться животных.

Орк помоложе достал подзорную трубу и поднес к глазам.
– Мы вовремя, – сказал он.

К ним приближалась маленькая шлюпка, в которой вышалась одинокая статная фигура. Как и орки, она была с ног до головы закутана в плащ, но по ее неприкрытым тонким и изящным рукам было понятно, что в лодке – женщина, и что она – человек.

Когда лодка подошла поближе, молодой орк вошел в воду. Ухватившись за нос шлюпки, он с легкостью вытащил ее на берег, а затем протянул руку, чтобы помочь даме. Не колеблясь, она взялась за его громадную, грубую ладонь – ее собственная едва обхватывала два его пальца – и позволила поухаживать за собой.

Выбравшись из лодки, она отбросила с лица капюшон, явив золотистые волосы и сияющую улыбку.

– Тралл, – тепло произнесла Джайна Праудмур, – ко-

гда-нибудь мы все-таки должны встретиться при более приятных обстоятельствах.

– Да будет воля предков на то, чтобы такой день настал поскорее, – с чувством пророкотал Тралл своим глубоким голосом. Он тоже снял капюшон, открыв грубое, бородатое орочье лицо с такими же как у нее голубыми глазами.

Джайна сжала его руку, а затем отпустила, повернувшись к его спутнику – пожилому орку с белыми волосами, собранными в пучок.

– Эйтригг, – Она сделала небольшой реверанс в его сторону.

– Леди Джайна. – Его голос звучал более сдержанно, чем у Тралла, но он все равно приветствовал ее с теплом. Кивнув, Эйтригг отошел в сторону на возвышенность, чтобы встать на страже, пока его вождь и волшебница беседуют.

Джайна снова повернулась к Траллу, нахмурившись.

– Спасибо, что согласился увидеться со мной. Учтывая... недавние события, я подумала, что нам лучше встретиться здесь, а не как обычно, на Колючем Холме. До Штормграда дошли вести о... происшествии в Ясеновом лесу.

Тралл поморщился и заскрежетал зубами.

– До меня тоже дошли вести о случившемся в Ясеновом лесу. – В его голосе звучала едва сдерживаемая ярость. Джайна позволила себе улыбнуться.

– Я знала, что ты не можешь стоять за этим. Что слухи о

твоей причастности лживы.

– Конечно же они лживы! – процедил Тралл. – Я никогда бы не допустил подобного варварства. И если я заключаю с Альянсом договор, значит, я собираюсь его придерживать-ся. – Он вздохнул и потер руками лицо. – И все же... Не буду врать, Оргриммар и Северные степи отчаянно нуждаются в ресурсах. А в Ясеновом лесу их полным-полно.

– Но добывать их таким путем неправильно, – покачала головой Джайна.

– Я это знаю, – резко ответил Тралл, но затем продолжил мягче: – Вот только остальные, похоже, не понимают таких... тонкостей. Джайна, я не давал разрешения на тот налет, и я в бешенстве от того, как жестоко обошлись с часовыми. Я глубоко сожалею о нарушении договора. Но многие приняли исход этой бойни... с энтузиазмом.

– Что? – Джайна широко распахнула глаза. – Знаю, некоторые члены Орды кровожадны по своей природе, но, признаюсь, я была лучшего мнения о них в целом. Я думала, что ты...

– Я сделал так, как посчитал правильным... хотя теперь иногда сомневаюсь. – Последнее Тралл прибавил вполголоса, а затем громко добавил: – Джайна, у нас кровавая история. И чем больше судьба склоняет нас к выживанию, тем отчаяннее становятся наши поступки.

– Ты принял гонца от Вариана?

Тралл скривился еще сильнее.

– Да. – Они оба знали, что было в переданном гонцом письме. Вариан передал очень сдержанное, по своим меркам, послание. Он потребовал от Тралла официального извинения и подтверждения того, что орк чтит условия договора, а также осуждения произошедшего и передачи виновных на суд Альянса. В таком случае Вариан был готов посмотреть сквозь пальцы на «вопиющее нарушение договора, направленного на укрепление мира и сотрудничества между нашими народами».

– Что ты собираешься делать? Ты знаешь, кто виновен в этом?

– У меня нет доказательств, но есть подозрения. И я не одобряю такой поступок.

– Ну конечно же не одобряешь, – согласилась Джайна, неуверенно посматривая на него. – Тралл, в чем проблема?

Он вздохнул.

– Я не одобряю этот поступок, – повторил орк, – но я не уступлю требованиям Вариана.

Пораженная, Джайна уставилась на него с приоткрытым ртом.

– О чем ты говоришь? Вариан считает, что ты намеренно нарушил договор. Его просьба вполне обоснованна, и в случае отказа у него будет идеальный повод, чтобы обострить ситуацию. Быть может, мы уже стоим на пороге войны!

Тралл поднял большую зеленую ладонь.

– Пожалуйста. Выслушай меня. Я пошлю Вариану письмо

с заявлением, что я не давал приказа на этот набег. Я найду виновных и призову их к ответу. У меня нет желания развязывать войну. Но я не могу извиниться за причиненный вред, и я не выдам Альянсу подозреваемых. Они – часть Орды. И они будут держать ответ перед Ордой. Отдать их Вариану... нет. С какой стороны ни посмотри, это будет предательством по отношению к моему народу. И, честно говоря... это просто неправильно. Вариан никогда бы не пошел на такое, исходи подобная просьба от меня. И он был бы прав.

– Тралл, если ты не отдавал приказ, значит, ты не в ответе за...

– Но я в ответе. Я – вождь моего народа. Одно дело укорять их за нарушение закона, и совершенно другое – покушаться на их достоинство. На саму их сущность. Ты не понимаешь, как думает Орда, Джайна, – тихо проговорил Тралл. – Именно это дало мне мое необычное воспитание. Я понимаю, как обе стороны воспринимают происходящее. Мой народ голодает, они жаждут чистой воды, им нужна древесина, чтобы строить дома. Они считают, что эльфы обошлись с ними несправедливо, закрыв торговые пути. Они считают нежелание удовлетворить их базовые потребности жестоко-стью, и кто-то где-то решился ответить тем же.

– Они перебили ночных эльфов, содрали с них кожу – и ты считаешь это соразмерно запрету на торговлю? – Джайна повысила голос.

– Из-за отсутствия торговли дети голодают, болеют, ока-

зываются без крыши над головой, под открытым небом. Эта логика... Раз я ее вижу, то и другие тоже могут так думать. Это нападение дало нам то, в чем мы отчаянно нуждались, и если я открыто осужу его, то будет казаться, будто я осуждаю нужды своего народа. Я покажусь слабым, и, поверь мне, многие захотят воспользоваться моментом моей кажущейся уязвимости. Я вступил на опасную тропу, друг мой. Мне нужно упрекнуть их, но при этом не пересечь черту. Я извинюсь за нарушение договора, но не за кражу, не за убийства и даже не за то, как они были совершены.

– Я... разочарована, что ты избрал этот путь, Тралл, – честно проговорила Джайна.

– Твое мнение много значит для меня. Всегда значило. И все же я не буду пресмыкаться перед Варианом и не буду принижать отчаянных потребностей моего народа, необходимых для выживания.

Некоторое время Джайна молчала, скрестив руки на груди и опустив глаза.

– Думаю, я понимаю тебя, – наконец, заключила она, произнося слова медленно, с горечью в голосе. – Свет, как же мне тяжело это признавать. Но ты тоже должен кое-что понять. События у Врат Гнева очень сильно навредили взаимоотношениям Орды и Альянса. Мы потеряли почти пять тысяч человек у одних только Врат Гнева, Тралл. А утрата верховного лорда Болвара Фордрагона стала большим ударом для многих.

– Как и гибель Саурфанга Младшего, – заметил Тралл. – Лучший из лучших, сраженный в расцвете сил и превращенный в... ты знаешь. Не думай, что Орда легко пережила ту войну.

– О, я и не думаю. Но... это трудно вынести. Особенно когда так много павших погибли от рук Орды, а не Плети.

– Гнилесс никогда не был частью Орды! – прорычал Тралл.

– Мало кто в состоянии различить эту грань. И даже сейчас есть те, кто сомневается. И ты это знаешь.

Тралл кивнул и тихо зарычал. Джайна понимала, что его гнев был направлен не на нее, а на Гнилесса и всех тех, кто стоял за тем предательством. Тех, кто заявил о преданности Орде, в действительности готовясь ударить в спину.

– Сначала одно, теперь другое. Правителям Альянса становится все труднее доверять тебе, – продолжала Джайна. – Многие, включая Вариана, считают, что ты недостаточно сделал для разрешения проблемы, когда она возникла. Публичное осуждение и самого вторжения, и его последствий поможет изменить к лучшему то, как Альянс видит и тебя, и Орду. И давай смотреть правде в глаза – это была не обычная потасовка, а настоящий кошмар.

– Согласен. Но если я предам подозреваемых преступников суду Альянса, то мой народ никогда не оправится от этого ужаса. Для них это будет позором, и я никогда так не поступлю. Они попытаются свергнуть меня и будут правы.

Джайна спокойно посмотрела на него.

– Тралл, мне кажется, ты не до конца осознаешь серьезность ситуации. Из этого не выйдет ничего хорошего. Если ты своим молчанием поддержишь то, что на самом деле осуждаешь, то втянешь Орду в войну. А Вариан...

– Вариан чересчур вспыльчив, – отрезал Тралл.

– Как и Гаррош.

Тралл вдруг засмеялся.

– Эти двое даже не подозревают, насколько они похожи.

– Из-за их сходства и несдержанности снова могут начать гибнуть живые существа, а война в Нордсколе была совсем недавно.

– Ты знаешь, что я не хочу войны, – покачал головой Тралл. – Я привел свой народ сюда, чтобы избежать бессмысленных столкновений. Но, честно говоря, с твоих слов получается, что Вариан в любом случае ко мне не прислушается. Он не поверит мне, даже если я и в самом деле публично осужу это нападение. Ведь так?

Джайна не ответила, а лишь сильнее нахмурилась.

– Я... Я бы постаралась его убедить.

Тралл печально и ласково улыбнулся, положив громадную ладонь на ее тоненькое плечо.

– Я выскажу свое презрение к нарушению данного Ордой слова... но не более того, – он посмотрел на окружавшую их мрачную болотистую местность. – Я выбрал Дуротар, чтобы дать моему народу место, где они могли бы начать новую

жизнь. Медив сказал мне привести их сюда, и я решил прислушаться к нему, хотя ничего не знал об этом континенте. Когда мы прибыли сюда, я увидел суровый край. Он не цвел так, как земли Восточных королевств. Даже в местах, где есть вода, как здесь, например, было трудно существовать. И все-таки, несмотря на это, я решил остаться. Дать моему народу шанс испытать свой дух на этой земле. Их дух все еще крепок, но земля... – Тралл покачал головой. – Мне кажется, Дуротар отдал нам все, что мог. Я должен позаботиться о нем, о своем народе.

Джайна посмотрела ему в глаза. Она коснулась своих волос, чтобы убрать с лица мешавший золотистый локон. Жест был девичий, но в ее глазах и словах читалась воля правителя.

– Я понимаю, что в Орде все устроено иначе, чем в Альянсе, Тралл, но... Если ты найдешь способ сделать то, о чем я прошу, тебе откроется еще одна возможность, которой иначе не будет.

– В любую секунду нас окружает множество возможностей, Джайна, – возразил Тралл. – Будучи в ответе за тех, кто нам доверяет, мы обязаны рассматривать каждую из них.

Волшебница протянула к нему руки, и орк взял их в свои ладони.

– Тогда мне остается только надеяться, что Свет укажет тебе путь, Тралл.

– И я надеюсь, что твои предки будут оберегать тебя и

твой народ, Джайна Праудмур.

Джайна тепло улыбнулась ему, как в недалеком прошлом улыбалась другая светловолосая девочка, и затем вернулась в свою шлюпку. Однако, когда Тралл могучим движением оттолкнул шлюпку от берега, он заметил небольшую складку меж бровей волшебницы. Джайна все еще была встревожена.

Как и он.

Тралл скрестил руки на груди, глядя, как вода несла Джайну прочь, в сторону дома. Эйтригг тихо спустился с холма и присоединился к своему вождю.

– Какая жалость, – произнес Эйтригг, по-видимому, в пустоту.

– Что именно? – спросил Тралл.

– Что она не орк, – пояснил Эйтригг. – Сильная, умная, с большим сердцем. Сама по себе вождь. Она бы выносила сильных сыновей и храбрых дочерей. Когда-нибудь она станет для кого-то отличной спутницей жизни, если сама того захочет. Жаль, что она не орк, и не может стать твоей.

Тралл не сдержался. Он запрокинул голову и громко рассмеялся, спугнув сидевших на соседнем дереве ворон, которые злобно закаркали и, хлопая крыльями, полетели искать место потише.

– Мы только что закончили воевать с Королем-личом и самим Кошмаром. Наш народ голодает, страдает от жажды и возвращается к варварскому образу жизни. Король Штурмграда считает меня животным, а стихии остаются глухи к мо-

им мольбам. А ты говоришь о женщинах и продолжении рода?

Старый орк остался совершенно невозмутим.

– Когда же еще об этом думать? Тралл, Орда сейчас в очень шатком положении. Под вопросом даже твой статус вождя. У тебя нет ни спутницы, ни ребенка – никого, кто бы продолжил твой род, если ты вдруг отправишься навстречу предкам. Ты, кажется, даже не думаешь об этом.

Тралл зарычал.

– У меня есть заботы посерьезнее, чем заводить интрижки, искать себе возлюбленную или делать детей, – отрезал он.

– Как я и говорил, именно из-за этих забот так важно завести семью. К тому же ты нигде в мире не найдешь такого умиротворения и ясности, как в объятиях своей истинной возлюбленной. И сердце никогда не радуется так же сильно, как при звуке смеха твоего ребенка. Эти радости ты откладывал, наверное, слишком долго. Я сам когда-то знал их, хотя их у меня и отняли. Но я не променял бы эти радости ни на что другое – ни в этой, ни в какой-либо иной жизни.

– Не нужно читать мне нотации, – проворчал Тралл.

Эйтригг пожал плечами.

– Возможно, ты прав. Возможно, говорить должен ты, а не я. Тралл, ты чем-то встревожен. Я стар и многое повидал в жизни. А еще я научился слушать других.

Он шагнул в воду, его волк последовал за ним. Секунду Тралл стоял на месте, а затем пошел следом. Когда они до-

брались до берега, оба орка запрыгнули на спины ездовых волков и больше не разговаривали. Пока Тралл собирался с мыслями, они некоторое время ехали молча.

Он думал о том, чем никогда ни с кем не делился, даже с Эйтриггом. Возможно, Тралл мог бы рассказать об этом Дрек'Тару, если бы шаман все еще оставался в здравом рассудке. Как бы то ни было, Тралл хранил в себе этот холодный узел страшной тайны. Глубоко внутри он вел войну сам с собой.

Они ехали уже довольно долго, когда Тралл, наконец, заговорил:

– Возможно, ты все-таки можешь понять, Эйтригг. Ты тоже сталкивался с людьми, и не только в бою. Я стою на границе двух миров. Меня вырастили люди, но рожден я был орком, и я впитал силу обоих народов. Я знаю оба эти народа. Когда-то это знание помогало мне. Не хвастаясь, могу сказать, что оно сделало меня необычным вождем с необычными навыками. Я мог работать рука об руку с обеими сторонами, когда это было необходимо для выживания всего Азерота. Тогда мое наследие хорошо послужило мне и, через мое руководство, Орде. Но... я не могу не задаваться вопросом... Служит ли оно им и теперь?

Эйтригг, так и не отрывая взгляда от дороги, лишь буркнул что-то под нос, давая Траллу знак продолжать.

– Я хочу позаботиться о своих братьях. Чтобы они были обеспечены и находились в безопасности, чтобы могли уде-

лять внимание своим семьям и заниматься своими обрядами, – Тралл слегка улыбнулся. – Чтобы могли находить себе возлюбленных и растить детей. Чтобы у них было все, на что есть право у любых разумных существ. Чтобы им не приходилось все время видеть, как их родители или дети уходят на войну и не возвращаются. Но те, кто продолжает требовать битвы, не видят того, что вижу я: сейчас большая часть населения Орды – это старики и дети. Мы потеряли почти целое поколение.

Его голос прозвучал устало, и Эйтригг, видимо, тоже это заметил, потому что наконец подал голос:

– Мне кажется... твоя душа болит, друг мой. Ты сам на себя не похож. Сомневаешься в себе, впадаешь в отчаяние.

Тралл вздохнул.

– Похоже, в последнее время все мои мысли черны. То предательство в Нордсколе... Джайна даже не может себе представить, как я был ошарашен, как потрясен. Потребовались все мои навыки и способности, чтобы после случившегося удержать Орду от раскола. Наши новые бойцы... они набили себе руку, истребляя нежить. Но это совсем не то же самое, что сражаться с живым врагом, у которого есть семья и друзья, который смеется и плачет. Они легко привыкли к убийству, и оттого мне труднее сдерживать их, призывая к понимаю и даже сочувствию.

Эйтригг кивнул.

– Однажды я ушел из Орды, потому что устал от их любви

к жестокости и насилию. Я вижу то же, что и ты, Тралл, и я так же боюсь, что история повторится.

Они выехали из тени болот на дорогу, ведущую на север. Жар от палящего солнца быстро согрел их. Тралл огляделся. Эти места очень точно называли Северными степями, и сейчас здесь было жарче, чем обычно. Земля высохла, и Тралл практически не видел признаков жизни. Оазисы – спасение Северных степей – стали пересыхать по тем же таинственным причинам, по которым и появились.

– Не помню, когда в последний раз я попадал под дождь в Дуротаре. И стихии молчат в то время, когда что-то явно идет не так... – вождь орков покачал головой. – Я помню свой трепет и радость, когда Дрек’Тар назвал меня шаманом. Но все же я ничего не слышу.

– Быть может, их голоса заглушают другие, требующие твоего внимания? – предположил Эйтригг. – Иногда, чтобы разобраться со многими проблемами, нужно решать их по очереди.

Тралл задумался над его словами. Они показались ему мудрыми. Много бы изменилось, если бы он только понял, что не так с этой землей, и смог исцелить ее. У его народа появилось бы что есть и где укрыться. Им бы не пришлось брать у тех, чьи сердца полны злобы и ненависти. Между Ордой и Альянсом ослабла бы напряженность. И, быть может, тогда Тралл смог бы сосредоточиться на том, о чем говорил Эйтригг: на собственном наследии, личном покое и счастье.

И Тралл точно знал, куда идти, чтобы услышать голоса стихий.

– Я лишь однажды был в землях моего отца, – сказал он пожилому орку. – Думаю, стоит отправиться туда еще раз. Дренор – это мир, повидавший слишком много буйства и страдания стихий. Быть может, Запределье – то, что от него осталось – все еще помнит те времена. Моя бабушка, Гейя, – могущественная шаманка. Она сможет указать мне путь, когда я попытаюсь прислушаться к израненным стихиям того места. И, быть может, эти стихии помнят что-то из страданий собственного мира – что-то, способное помочь Азероту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.